

Власов В. Ф.

Второе воскресение

В поисках 4-го измерения

16+

Владимир Фёдорович Власов

Второе воскресенье

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=41862986

SelfPub; 2019

Аннотация

В год тысячелетия принятия христианства на Руси землю посетил Иисус Христос, появившись на удалённой станции Восточно-Сибирской железной дороги. Но узнали ли его люди и приняли ли? Нужен ли был живой Сын Божий кому-либо в то время, когда Антихрист уже семьдесят лет управлял нашей страной? И что изменилось в России с тех пор? Чем мы стали лучше? Не развалится ли снова наша держава, если мы опять не признаем нашего Спасителя. Такие вопросы возникают в голове при чтении этого романа.

Содержание

Предисловие	4
1. Явление Христа народу	7
2. Допрос Христа на станции	11
3. Знакомство пленников в кутузке	17
4. Побег задержанного	26
5. Как случилось освобождение Христа	42
6. Дерьмовый кофе из буфета	47
7. Новая учительница	50
8. Игра на спор с уборщицей	54
9. Христос в лесу	66
10. Разговор ассигнаций в кассе столовой	70
11. Шантаж	79
Конец ознакомительного фрагмента.	90

Предисловие

Этот роман я написал ещё в советское время, когда наш народ практически не имел никаких свобод. Но социальная справедливость в каком-то виде всё же существовала. Несомненно, нужно было менять наш строй и наше мышление во всём, потому что, то социальное устройство было эффективно только в военной обстановке. Но вот как мы его поменяли, и куда движемся сейчас? – об этом я часто задумываюсь.

Что нам даёт полученная свобода? Правильно ли мы ей распоряжаемся? И что изменилось с тех пор в нашей жизни?

Не потеряем ли мы совсем нашу духовность? Я всё же надеюсь, что будущее России связано с ней. Иначе без неё у нас не будет ни будущего, ни самой России. Нам нужно подумать, как нашу жизнь сделать духовнее и добрее. И чем быстрее будет происходить переосмысление жизненных ценностей, тем скорее мы сможем построить из России сильную, процветающую и духовную державу.

Автор

26.06.2013

Роман-житие Иисуса Христа между вторым воскресением и вторым вознесением

Посвящается 1000-летию Русской православной церкви

Mentre alcuni parlavano del tempio, Gesù disse: "Verranno giorni in cui, di tutto quello che ammirate, non resterà pietra su pietra che non vada distrutta... Guardate di non lasciarvi ingannare. Molti verranno sotto il mio nome dicendo: Sono io" e "Il tempo è prossimo"; non seguiteli...". Poi disse loro: "Si solleverà popolo contro popolo e regno contro regno, e vi saranno di luogo in luogo terremoti, carestie e pestilenze; vi saranno anche fatti terrificanti e segni grandi dal cielo. Ma prima di tutto questo metteranno le mani su di voi e vi perseguiranno... a causa del mio nome. Questo vi darà occasione di render testimonianza. Mettetevi bene in mente di non preparare prima la vostra difesa; io vi darò lingua e sapienza, a cui tutti vostri avversari non potranno resistere, ne controbattere... Nemmeno un capello del vostro capo perirà. Con la vostra perseveranza salverete le vostre anime".

(Luca 21, 5-19)

И когда некоторые говорили о храме, Иисус сказал: "Придут дни, в которые из того, что вы здесь видите, не останется камня на камне: все будет разрушено... Берегитесь, чтобы вас не ввели в заблуждение, ибо многие придут под именем Моим, говоря, что это Я, и это время близко: не ходите вслед им.." Тогда сказал Им: "Восстанет народ на народ, и царство на царство, и будут большие землетрясения по местам, и гады, и моры, и ужасные явления, и великие знамения с неба. Прежде же всего того возложат на вас руки, и будут гнать

вас... за имя Моё. Будет же это вам для свидетельства. Итак, положите себе на сердце не обдумывать заранее, что отвечать, ибо Я дам вам уста и премудрость, которой не возмогут противоречить, ни противостоять все, противящиеся вам... Но волос с головы вашей не пропадёт, терпением вашим спасайте души ваши".

(Евангелие от Луки 21, 5-19)

1. Явление Христа народу

Было уже за полночь, когда человек, закутавшийся в плащ, вошел в здание вокзала маленькой станции Восточно-Сибирской железной дорога. Струя морозного воздуха ворвалась вместе с ним в большую комнату, именуемую "залом ожидания", и растеклась под дубовыми скамейками между ног спящих и бодрствующих пассажиров.

Ожидалось прибытие ночного поезда. Никто, кроме дежурного сержанта милиции Макарова, не обратил внимания на вошедшего. В зале подслеповато горели две лампочки, освещая угол комнаты у закрытого буфета.

Человек некоторое время потоптался у двери и несмело направился к радиатору отопления в более освещенную часть комнаты. Как только он вступил в полосу света, Макарова словно током ударило.

"А ведь подозрительный тип", – подумал он. Сержанту как-то сразу не понравился этот человек. Он был одет не по сезону и выглядел странно. На нем был даже не плащ – грубая шерстяная ткань укутывала его худощавую фигуру. Часть этой ткани словно капюшоном прикрывала голову.

Человек, войдя в зал, стянул капюшон, и Макаров увидел его лицо. Сержант никак не мог определить национальности вошедшего. Если бы не странное одеяние, пассажир мог походить на еврея, но длинные спутанные волосы, черная бо-

рода выдавали в нем скорее цыгана. Но и это могло оказаться не окончательным определением. Цыгане носят шляпы, этот же ничего не имел на голове. На вид незнакомцу можно было дать лет тридцать пять-сорок. Но если его побрить, то он мог бы выглядеть моложе.

Человек, вероятно, замерз. Стоя возле радиатора спиной к сержанту, он грел красные озябшие руки. Взгляд Макарова скользнул вниз и ... О, Боже! Милиционер рот открыл от удивления: незнакомец был бос. Красные, как у гуся, ноги стояли на холодном цементном полу. М-да, это заставляло задуматься. Если в тридцатиградусный мороз человек ходит босиком, то что это значит?

Макаров судорожно пытался припомнить все последние циркуляры о побегах заключенных, стараясь мысленно сравнить облик незнакомца с фотографиями преступников, разыскиваемых уголовным розыском. Но ничего похожего он не припомнил, и все же в голове сержанта что-то не укладывалось в стройный логический порядок.

"Подозрительно! Все это очень подозрительно, – твердил себе под нос Макаров. – Все это неспроста. Необходимо проверить документы".

До прихода ночного поезда оставалось еще полчаса. Макаров решительно шагнул к незнакомцу и положил ему на плечо руку. В момент соприкосновения с одеждой задерживаемого он ощутил такой сильный удар, что даже язык прикусил. Что это? Разряд статического электричества?

Незнакомец медленно повернулся, и его проникновенный взгляд встретился с глазами милиционера. Еще одна деталь неприятно поразила наметанный глаз Макарова. Ему приходилось часто хватать бродяг, и делал он это с некоторым чувством брезгливости, особенно когда дотрагивался до их грязной одежды, часто изобиловавшей вшами. Ссадины и ранки, полученные при задержании бродяг, долго не заживали. Одевание же незнакомца было чистым, как будто он только что стянул отрез материи с прилавка магазина. От него исходил даже какой-то благоуханный запах. Версия о краже в магазине мгновенно запечатлелась в профессиональном мозгу Макарова.

– Гражданин, пройдемте, – властным, не допускающим возражения тоном произнес сержант.

При его резком голосе проснулась бабка в валенках и перекрестилась. Девушка в клетчатом платке с испугом посмотрела на милиционера и человека в плаще.

Гражданин покорно последовал за сержантом. Пять-шесть человек смотрели им вслед.

– Сцапали голубчика, – злорадно сказал мужчина лет пятидесяти в полинявшей телогрейке. – Должно быть, вор. Или кого-нибудь укокошил.

Но его предположение не нашло сторонников среди пассажиров.

– Какой там вор, – возразил человек в очках, средних лет, похожий на сельского учителя, – разве не видите, самый на-

стоящий бродяга. Развелось этих бичей.

– Что и говорить, сущий бич, – поддержала его старушка, которая крестилась. – Не сеют и не пашут, живут, как божьи птички. Много таких тунеядцев развелось. Из-за них и жизнь пошла у нас такая. В магазинах нет ничего. Люди совсем отучились работать.

Бабка долго бы еще развивала свою мысль, но ее прервал колхозный сторож:

– Разве не видите, что это цыган. Неделю назад они из нашего колхозного хлева украли корову. Наверное, всем табором ее сожрали. Вот милиционер и задержал их главаря.

Причем тут была корова, причем цыгане, которые, как известно, воруют лошадей, а не коров, никто не стал выяснять. Цыган так цыган. На этом и порешили. И снова наступила тишина в зале ожидания. Кто-то, полузакрыв глаза и зевая, развалился на дубовом диванчике. Час поздний. Никому не хотелось поддерживать разговор. Только девушка в клетчатом платке все еще смотрела в ту сторону, куда милиционер увел задержанного.

2. Допрос Христа на станции

Макаров провел задержанного через коридор, достал из внутреннего кармана полушубка ключ и отпер служебную комнату. В комнате горел яркий свет. Сейчас он мог хорошо рассмотреть незнакомца. Лицо у арестованного было явно восточного типа. Его можно было принять за грузина, таджика, армянина, узбека, татарина. Одним словом, за нерусского. Но что-то в этом лице было неуловимое, свидетельствующее о его огромной силе духа. Может быть, взгляд?

– Садитесь, – приказал Макаров.

Гражданин покорно сел. Макаров снял полушубок и повесил на крючок у двери. Он не спешил с допросом, так как знал, что предстоит сложное дело. Возможно, что это – опасный преступник. Он поправил кобуру и сел напротив задержанного.

Почему ему пришла мысль, что задержанный является преступником? Очень просто. Как только они вошли в комнату милиции, сержант увидел при ярком освещении лампы, что перед ним стреляный воробей. Самым форменным образом. У задержанного были прострелены обе руки. Шрамы от ран могли свидетельствовать о многом. Позднее он заметил, что и ноги хранили следы таких же отметин.

Все это выглядело до странности необычным и не предвещало быстрого расследования. Макаров считался человеком

серьезным, брался за все основательно и доводил все дела до самого, что ни на есть, конца. И сейчас он собрался вывести этого субчика на чистую воду.

– Кто вы? И куда направляетесь?

Незнакомец кротко молчал, не возражал против задержания, не протестовал против прокурорского тона Макарова, а только вопросительно смотрел на него.

"Вот уже и началось, – подумал Макаров, – прикидывается, что не понимает."

Он повторил вопрос, стараясь тщательно артикулировать губами:

– Вы понимаете, о чем я спрашиваю? Итак, кто вы? Откуда? Куда направляетесь?

Незнакомец продолжал молчать. Его взгляд смущал милиционера. Так смотрят только новорожденные дети. По этим глазам невозможно определить, что человек кого-либо обокрал или зарезал. Ох, уж этот невинный взгляд, где так явственно выражена любовь к ближнему! Такой взгляд говорит сам за себя: "Неужели вы не видите, что я не могу обмануть?" Но преступники тем и сильны, что способны камуфлировать свой вид. Этот взгляд только еще больше насто-рожил Макарова. Наконец, незнакомец произнес:

– Ты говоришь.

Макаров не совсем понял эту фразу, но переспрашивать не стал. Он официальным тоном приказал:

– Гражданин, предъявите документы.

И в тот же миг подумал: "Сейчас у него их не окажется".

Гражданин пожал плечами и произнес:

– Документов нет. Зачем свободному человеку документы?

– Так-так, – барабанил пальцами по столу сержант, восхищаясь своей интуицией.

– Значит, говорите, документов нет.

– Нет, – подтвердил гражданин.

– Тогда придется задержать вас до выяснения вашей личности.

– Вы хотите задержать меня, свободного человека? – удивился незнакомец.

– А что прикажете делать? Еще нужно доказать, что вы свободный человек, а не сбежавший из-под стражи каторжник.

Макаров, взяв ручку и чистый лист бумаги, приступил к допросу:

– Ваше имя?

– Иисус.

Макаров, принявшийся было писать, тут же остановился.

– Иисус? А отчество? – спросил он подозрительно.

– Сын Божий, – спокойно молвил незнакомец.

Только сейчас Макаров понял, что задержанный издевается над ним. Макаров считался сдержанным работником, никому еще не удавалось вывести его из себя. Он спокойно положил ручку на чистый лист бумаги и пристально посмот-

рел на "сына божьего". Макаров знал силу своего взгляда, который не раз пробовал на бродягах, жуликах и пьяницах. Его тяжёлого взгляда никто не выносил больше одной минуты.

Но сейчас Макаров почувствовал, что взгляд не проникает в сознание задержанного, а как бы отталкивается противоположной силой взгляда, как магнит отталкивается от магнита, приближенный к его одноименному полюсу. Взгляд задержанного светился ясным, чистым светом, как светится кристальная слеза ребенка. Макаров отвел глаза. Такое с ним случилось впервые в жизни.

– Так значит, вы Иисус, сын божий, – произнес он. – Но почему вы не хотите назвать свое настоящее имя?

– Это и есть мое настоящее имя.

Глаза наглеца излучали такую неподдельную искренность, что Макаров растерялся и не знал, как ему поступить в этом случае. Он встал и прошелся по комнате, но отступить не собирался.

– Итак, Иисус, сын божий, отвечайте, откуда вы? Куда путь держите?

– Я иду с запада на восток, на восход солнца.

Так просто и гениально мог ответить только сам Сын Божий.

– Кто вы по национальности?

– Еврей.

Это уже походило на правду.

– Сколько вам лет?

– Тридцать три года.

– М-да, возраст Иисуса Христа, – растягивая слова, произнес Макаров, – но Иисус Христос был распят в этом возрасте почти две тысячи лет назад на горе Голгофе, если это, конечно, не выдумки церковников.

– Так оно и было, – ответил незнакомец, именовавший себя Иисусом.

– Может быть, у вас такая кличка среди уголовников, – осенила мысль Макарова.

– Может быть, – вдруг согласился Иисус, – я никому не закрываю дорогу к моему сердцу.

Макаров вновь сел к столу и взял ручку.

– Итак, вы не хотите говорить своего имени. Тогда скажите год и место рождения, адрес места жительства.

– Родился в Вифлееме, в Иудее, в первом году от Моего рождения. Сейчас живу в Царстве Божьем.

– Хватит дурака валять! – вскочил Макаров и забегал по комнате. – Не хотите отвечать, не надо. Посажу вас до утра в камеру предварительного заключения, а утром передам в отделение милиции. Пусть разбираются с вами. Встать!

КПЗ при вокзале находилась тут же, рядом со служебной комнатой милиции. Это была глухая каморка, переоборудованная из темного чулана, где когда-то хранили всякое станционное барахло. Кованая железная дверь запиралась снаружи на тяжелый засов и висячий замок. Вверху двери имелось

маленькое решетчатое оконце, пропускавшее внутрь свет и воздух.

Макаров открыл ключом дверь и поместил туда задержанного. Затем он натянул полушубок и вышел в зал ожидания. Прибывал ночной поезд. Нужно было следить за порядком.

3. Знакомство пленников в кутузке

Макаров считался очень ответственным работником и никогда не дремал во время ночных дежурств. Поэтому его КПЗ была постоянно забита подозрительными субъектами. Камера вмещала в себя четыре человека, но при желании туда можно было поместить гораздо больше, правда, при этом им пришлось бы спать всю ночь стоя.

В эту ночь "коробочка", как называл ее Макаров, была полной. В камере стояли две солдатские двухъярусные койки, на одной, нижней, лежал пьяный. Когда открылась дверь, он, пытаясь подняться, завопил: "Станция Черемхово? Я схожу, схожу, задержите поезд!" И чуть не свалился с койки. Молодой человек с подбитым глазом, сидящий напротив, вскочил и уложил его на место.

– Спи ты, пьяная рожа, – сказал он бесцеремонно. – До Черемхово тебе еще ехать сутки в медвытрезвителе.

Пьяный тут же заснул.

– Прошу вас, проходите, – вежливо предложил он вошедшему. – За что вас сцапали?

Новенький пожал плечами и сказал:

– Должно быть, не понравился центуриону.

– Как-как? – переспросил лежащий на верхней койке. – Вот умора. Хорошо сказано.

Спустившись сверху, он сел возле парня с подбитым гла-

ЗОМ.

– Давайте познакомимся, – и он протянул руку: – Котя.

– Иисус.

– Отличное имя. Или это кличка?

– Нет, имя.

– Все равно, отличное.

Котя положил руку на плечо соседа.

– А его зовут Петром. Он попал сюда за драку. А я – за бродяжничество. Завтра утром этот, как вы выразились, центурион сдаст нас всех в отделение... По ночам они сюда не вызывают машину. Однако, должен вам сказать, здесь ничего, ночевать можно. Тепло.

Он окинул взглядом каморку. Свет из окошка выхватывал квадратом часть стены и верхний ярус коек. Внизу царил полумрак. В затхлом, смрадном воздухе пахло перегаром от пьяного.

– Хотите сигаретку? – предложил бродяга Котя. Иисус отказался. Закурили Котя и Петр с подбитым глазом.

– Центурион будет ругаться, если узнает, что мы здесь курим, но да Бог с ним...

Он затаился и выпустил струю дыма. Дым поднимался вверх, создавая объемные очертания решетки оконца, и вытягивался наружу в комнату дежурного сержанта.

– Завтра произойдет Страшный Суд, – торжественно произнес Котя. – Вас, товарищ Иисус, посадят на полгода за оскорбление официального лица при исполнении служебных

обязанностей.

– Это почему? – спросил Петр. – Человек же тебе сказал, что не понравился представителю власти, за что он и упечет бедолагу в каталажку.

– Не совсем так, – поправил его Иисус, – я не смог представить документы, и он проводил меня сюда до выяснения моей личности.

– Ах, так? А где же ваши документы, милейший? Потеряли?

– У меня их никогда не было.

Котя свистнул от удивления, а Петр посмотрел на него многозначительно.

– Тогда ваше дело – дрянь, товарищ Иисус. Лучше вам бежать отсюда. Не хочу знать, откуда вы, но вот вам мой совет. Как только сменится этот черт, придумайте какую-нибудь байку насчет документов. Не говорите, что у вас их не было. Иначе вас упрячут не на полгода. Просидите за решеткой до скончания веков. Как я понимаю, вашу личность удостоверить никто не сумеет, если у вас никогда не было документов. Человек без документов в нашей стране – не человек, а подозрительная личность. Петру дадут за драку пятнадцать суток. Ну, а я постараюсь сесть до весны за мелкое хулиганство. Сейчас очень даже неподходящий сезон для бродяжничества.

Петр массировал подбитый глаз.

– А ты кто будешь, из цыган что ли? – спросил он.

– Еврей.

– Еврей? – Петр выразил всем своим видом огромное удивление. – Евреи так не ходят. Впрочем, каждый волен ходить, как ему вздумается. А кто стянул у тебя сапоги?

– Я никогда не носил сапог.

– Ну, ботинки.

– Ботинки тоже. Сандалии носил.

– В сандалиях в нашу зиму много не находишь, – глубоко-комысленно заметил Котя. – Вы что же, не здешний?

– Издалека, – уклончиво ответил Иисус.

Пьяный упал с кровати. Петр хотел поднять его, но Котя махнул рукой.

– Не надо его тревожить. Пусть спит себе человек на полу. Лежащий на земле упасть не может.

Сокамерники попались тактичные, больше Иисуса ни о чем не спрашивали.

Вскоре прибыл поезд. С него сняли безбилетника. Когда Макаров ввел его в комнату, в камерке все притихли. Было слышно, как центурион допрашивал безбилетного пассажира.

– Значит, денег нет?

– Нет.

– Зачем тогда едешь поездом? Без билета нужно ходить пешком. Плати штраф.

– Как же я могу заплатить, когда денег нет? Это было ясно даже заключенным в камере.

– Назови адрес, фамилию, имя.

Безбилетник сказал, Макаров тщательно все записал.

– Посидишь до утра в камере. Утром разберемся с тобой.

Сержант открыл ключом кованую дверь и впустил очередного новичка. Его звали Павел. Он, войдя в камеру, устроился у входа на табурете. Когда Макаров открывал дверь, лежащий на полу пьяный всполошился:

– Черемхово? Задержите поезд! Я схожу.

На него никто не обратил внимания. Макаров, войдя в КПЗ, пересчитал всех заключенных. Потом для верности еще один раз. У него явно было плохо со счетом. Затем он хмыкнул, глядя на переполненную "коробочку", и громко заорал:

– Спокойной ночи, субчики.

При этом пьяный наделал лужу прямо на полу. Уходя, сержант добавил:

– Кто закурит ночью, тому оторву голову.

Как только закрылась за сержантом дверь и все стихло, Котя подал голос:

– А что, хороший у нас хозяин, в морду никого не тычет.

При царском режиме уже, небось, давно сделал бы из нас отбивные. А знаете, чем отличается царский режим от нашего?

Павел встал и заявил, что не желает принимать участие в антисоветских разговорах.

– Сядь, чудак, никто здесь не ведет антисоветские разговоры, – воскликнул Котя, – наоборот, я собираюсь защищать

наш строй. Так вот. Я – сознательный паразит этого строя, но паразит, ищущий смысла жизни. Тунеядец? Да, тунеядец. Но я могу прожить, не работая, и знаете, почему? Потому что наш справедливый и гуманный строй очень отличается от царского режима. При старом-то режиме как было? Нужно было трудиться не покладая рук. А у нас само правительство заботится, чтобы, не дай Бог, не переработали. С голоду все равно никто не подохнет, хотя у нас есть лозунг "Кто не работает, тот не ест". Я-то хорошо знаю, что можно прожить, не работая, а иногда даже кушать досыта. К примеру, я не работаю, а ем. И многие не работают, а едят сытно. А при коммунизме никто не будет работать, и все будут есть сытно.

– Так уж и никто? – удивился Павел.

– Работать, конечно, будут, но не люди, а роботы.

– Что же тогда за жизнь такая настанет? – удивился Павел.

– А жизнь, как у меня. Я уже давно живу при коммунизме, не работаю, а ем, – Котя захохотал.

Как видно, эта мысль ему очень понравилась.

– Я – человек вашего будущего. Как у вас там говорится, от каждого – по способностям, каждому – по труду. Так вот, на меня уже распространяется лозунг "От каждого – по способностям, каждому – по потребностям". Способности у меня не ахти какие, а потребности и того меньше. Был бы хлеб каждый день, а вода найдется. Мне больше ничего не нужно. Я никогда не стремился к комфортной жизни. Природа – самая удобная квартира. Сейчас, правда, стало несколько

холодно и уютно, но жить можно. Обычно я ночую на вокзалах, когда не гоняет милиция. А если даже выгонят, можно спать в подвалах, на чердаках возле вентиляционных шахт, в водопроводных колодцах, общественных теплых туалетах. Одним словом, всегда найдется теплое местечко, не замерзнешь. Но какая прелесть наступает летом, когда ночи теплые, а днем жара, как на сковородке. Я летом вбираю все тепло своей кожей и зимой им обогреваюсь. Мне хорошо. Но если бы вы знали, как я свободно себя чувствую. Куда захочу, туда и иду. Никто надо мной не стоит: ни начальник, ни сам Бог. Я сам себе начальник и сам себе Бог. Что хочу, то и делаю. Мне не надо держать ответ ни перед кем. Я счастлив, и мое счастье проявляется не в редких коротких мгновениях, как у вас, а в повседневной жизни.

Бродяга замолчал и залез на верхний ярус койки. Павел, переступив через Пьяного, пересел на его место. Петр тоже залез на верхнюю койку. Все стали устраиваться на ночлег. Некоторое время лежали молча. Затем Павел мечтательно произнес:

– Вот если бы денег побольше, тогда можно было бы стать счастливым.

– А зачем тебе деньги? – спросил его Котя. – Здоровье, это я понимаю. А то будут деньги, а здоровья нет, и все равно останешься несчастным. Чтобы было здоровье, нужно жить по природе, как я.

– Но уж ты хватил лишку. Одно другому не мешает. Здо-

ровье – хорошо, а здоровье с деньгами – еще лучше, – не унимался Павел!

– А вот у меня и здоровье, и деньги есть, а все равно не везет, – вздохнул Петр. – Люблю одну стерву. А она – нашим – вашим, то со мной, то с Васькой Сорокиным амур закрутит. Бросил бы я её, не могу. Получаю я прилично, баранку кручу, всегда лишнюю сотенную имею, иногда налево...

Он крутанул в воздухе воображаемым рулем машины.

– А вот ничем ее привязать к себе не могу. Сегодня она поехала в город, пошел провожать, Васька подвалил, ну и случилась драка. Васька-то сбежал, а меня этот черт сцапал. Вот такие дела.

– Брось, не расстраивайся, – утешал его Котя, – влюбишься в другую, стоящую...

В это время пьяный, лежащий на полу, с шумом выпустил газы.

– Вот гад, – возмущался Пётр. – Самая настоящая скотина, в таком месте...

К смрадному духу в камере добавился еще дух тошнотворный.

– Пьяный, что с него возьмешь, – защищал его Котя, – пьяный как ребенок.

– Пробовал влюбиться в другую, – продолжал Пётр, – но бесполезно. Ничего не могу поделать с собой. Мила она мне. Хоть вешайся, люблю эту стерву. Поехала в город. Наверняка, у нее кто-то там завелся.

– Не унывай, парень, еще влюбишься, – сказал Котя и зевнул. – Ребята, давайте спать. Завтра день предстоит тяжелый. Что ни говори, Судный День. Нужно хорошо отоспаться. Тебе, Петя, желаю встретить хорошую дивчину. Тебе, Павел, выиграть много денег в лотерею или взять у какого-нибудь подпольного миллионера.

– Если бы.

– А тебе, товарищ Иисус, желаю раздобыть документы. Пьяному я ничего не желаю. Ему бесполезно сейчас что-то желать, он и так счастлив. Что бы себе пожелать? Пожелаю-ка я себе увидеть хороший сон.

Котя зевнул и мечтательно добавил:

– Вот бы научиться видеть вещие сны.

Все по разу зевнули, и камера погрузилась в тишину. Уже через четверть часа слышалось дружное сопение с переливами храпа. Время от времени сонную тишину нарушали звучные хлопки пьяного и бульканье в голодном желудке у Коти.

4. Побег задержанного

Сержант Макаров слонялся от безделья по пустому перрону. В зале ожидания уже никого не было: кто уехал на поезде, кто вернулся домой. В его дежурство бродяги избегали заходить "на огонек" погреться. Весь вокзал словно вымер, в кутузке мирным сном спали пятеро задержанных. Казалось, что нечего делать. Это было самое тяжелое время для Макарова. Его одолевал сон.

Повалил густой снег. Макаров прошелся по рядам пустых скамеек в зале ожидания, поднял оброненную кем-то газету "Гудок", попробовал читать, но строчки сливались перед глазами в сплошные линии. Макаров клевал носом.

Шел пятый час утра. Поезд должен был прибыть только в семь пятнадцать. Впереди была уйма свободного времени. Макаров не знал, чем заняться.

В эту ночь сержант милиции Макаров не заметил, как уснул. Когда он проснулся, маленькая стрелка с пяти часов вдруг сразу перескочила на шесть. На его вытянутых ногах лежала газета. Макаров проверил кобуру, чертыхнулся и стал ходить между пустыми скамейками, разминая затекшие ноги.

Он проспал всего один час. С ним это случилось впервые за всю службу. В зале ожидания по-прежнему никого не было. Но, может быть, кто-то видел, как он заснул на посту. От

этой мысли на душе у Макарова сделалось муторно. Было бы лучше запереться в дежурке и спать, как делают все сослуживцы. Он же всегда проявляет сознательность. А вот сейчас кто-нибудь капнет начальству, и схлопочешь выговор. Так и пистолет могли украсть. Дрожь пробежала по спине между лопатками сержанта. За утерю оружия полагается... Впрочем, не важно, что полагается. Пистолет на месте, за время дежурства ничего не случилось. Зачем мучить себя кошмарами.

Макаров вышел на перрон. Снег еще падал, но уже не густыми хлопьями, а одинокими снежинками. Видимость улучшилась. Сразу за железнодорожной линией белело поле, в конце которого узкой полоской чернел лес. Макаров прошелся из конца в конец по перрону и вернулся в здание вокзала. Миновав пустой зал ожидания, он направился по коридору к служебной комнате, вставил ключ в замочную скважину, но дверь оказалась незапертой.

"Что за чертовщина, неужели забыл закрыть, – подумал он. – Старею."

И в ту же секунду сердце схватило в клещи предчувствие недоброго. Он вошел в служебную комнату и бросил взгляд на дверь кутузки. Так и есть. Беда. Дверь была открыта. Висячий замок лежал на полу. Заключение совершили побег.

Макаров рванулся в КПЗ и чуть не поскользнулся на блевотине пьяного, который лежал тут же в проходе между кроватями. На трех койках спали арестованные, пятый заклю-

ченный исчез. Макаров осветил фонариком лицо каждого. Побег совершил Исусик. Бросившись к выходу, он расстегнул кобуру, но тут же опомнился, вернулся и запер в камере оставшихся узников. Затем, выйдя на перрон, стал искать следы. Но какие могли остаться следы, когда навалило столько снега.

"Зарезал, зарезал, – повторял он, – без ножа зарезал. Но как удалось ему открыть эти замки? Специалист высокого класса! Рази мою душу, вот упустил-то кого, вора-рецидивиста. Даже не обыскал, когда запирали его в КПЗ. Чертов Исусик, прикинулся овечкой. Верь после этого честным физиономиям".

Макаров бежал по чистому полю за полотном дороги, как будто надеялся встретить там сбежавшего задержанного. Но где там, его и след простыл.

Макаров, возвращаясь на станцию, пытался взять себя в руки. До конца дежурства оставалось почти два часа. Прежде всего, нужно было допросить других задержанных, составить протоколы, рапорт по форме, как все произошло. В зале ожидания все еще никого не было. Утренний поезд прибывал только через сорок минут.

В служебной комнате он снял с кованой двери висячий замок и тщательно осмотрел. Никаких следов взлома. Злоумышленник явно открыл замок отмычкой, но как он смог дотянуться до замка через верхнее оконце? Для этого нужно было вдвое нарастить руку.

Макаров, не теряя времени, набрал ведро холодной воды и вылил на голову пьяному. Тот враз протрезвел. Он уже не орал: "Черемхово, Черемхово...", а лишь хлопал глазами и дико озирался по сторонам.

– Где я? – пролепетал он.

– В камере предварительного заключения.

– А что я наделал? – спросил он упавшим голосом.

– Напился, как свинья.

– А еще что?

– А этого, по-твоему, мало?

Отрезвевший умолк, он явно был в подавленном состоянии духа.

– Выметайся живо, – сквозь зубы процедил Макаров. – Чтобы духу твоего не было. В следующий раз обязательно сдам в медвытрезвитель, и штраф заплатишь.

Следствие не нуждалось в пьяном, который только путал логический ход мыслей сержанта. Поэтому Макаров избавился от него.

– Ну, живо! – приказал ему милиционер.

Отрезвевший, вскочив, тут же растянулся в собственной блевотине, нахлобучил шапку на мокрую голову и почти на карачках скрылся за дверью.

– Подъем! – взревел сержант.

Заклученные соскочили со своих постелей. Они стояли заспанные и обалдевшие, с помятыми физиономиями: Котя, Павел и Петр, три друга-товарища по несчастью и по камере.

– Что? Уже на Страшный Суд? Так рано?

Макаров осмотрел их пристальным взглядом, его выбор пал на Павла.

– Вы за мной, остальные останьтесь.

Выведя Павла из камеры, сержант запер дверь и пригласил его к столу. – Значит, ездите без билетов и отказываетесь платить штраф?

– Так у меня денег нет, – напомнил ему Павел.

– Да, знаю, но это не снимает с вас ответственности за безбилетный проезд, который, в свою очередь, является грубым нарушением...

Недосыпание и пережитые треволнения путали мысли Макарова.

– Да, о чем я?

– О том, что безбилетный проезд, в свою очередь, является грубым нарушением.

– ... правил пользования транспортом, – закончил свою мысль Макаров, – и поэтому вы должны заплатить штраф.

– Я бы с удовольствием заплатил, – уже в который раз принялся объяснять Павел, выворачивая карманы, – но денег-то нет.

– Я уже об этом слышал.

– От того, что слышали, у меня денег в кармане не прибавилось.

– Знаю, – сказал Макаров

Он пробежал глазами протокол, сделанный накануне при

задержании.

– Временно не работаете? Значит, денег ожидать вам не от кого, и на работу вам сообщить нельзя. Придется вас привлечь к уголовной ответственности за тунеядство.

– Товарищ начальник, пожалуйста.

– Гусь свинье не товарищ, здесь я для вас гражданин.

– Гражданин начальник, не губите меня. Как только приеду в город, я сразу устроюсь на работу. Я же еду из деревни от матери, гостил у нее, деньги кончились, а просить у нее неудобно, ей семьдесят четыре года, сама живет бедно, вот и пришлось ехать зайцем. Какой же я был бы сын, если бы тянул с нее последнюю копейку. Приеду в город, устроюсь работать, буду посылать ей деньги. И жене с дочерью пошлю, хоть с ними уже не живу.

Макаров испытующе смотрел на безбилетника, вдруг его позиция неожиданно изменилась.

– Хорошо, я вас не привлеку за тунеядство по статье. Даже отпущу с миром и не возьму штраф. Более того, дам три рубля, чтобы вы купили билет и доехали до города как сознательный пассажир. Но при одном условии.

– Говорите, гражданин начальник, все исполню.

– Вы должны мне сказать, слышите, только чистосердечно...

– Всё, как на духу, выложу.

– Вы должны мне сказать, о чём говорил с вами вечером задержанный, по кличке Иисус, и что он потом делал.

Павел обалдело смотрел на милиционера, затем выпалил:

– Так что же он, сбежал, что ли?

– Вопросы задаю я.

– А-а, понятно. О чем он говорил? Да ни о чем не говорил.

Молчал весь вечер.

– Припомните хорошенько, может быть, обронил какую-нибудь фразу?

Павел напрягал память.

– Нет, решительно ничего не припомню. Я даже его голоса не слышал. Он слова при мне не вымолвил.

"Осторожный, – подумал сержант, – боялся сболтнуть лишнее даже им, товарищам по камере. Тёртый калач."

– Может быть, кто-то из задержанных с ним говорил?

– Котя пожелал всем приятного сна, а ему раздобыть какие-то документы.

– Какие документы?

– Не знаю. Котя об этом ничего не сказал.

– А вам что он пожелал на ночь?

– Пожелал разбогатеть.

– Так-с, так-с, – протянул Макаров, – а потом что стал делать?

– Лег на койку и уснул, как все мы.

– Вы слышали, что он уснул?

– Нет, я сразу же отрубился, как в омут с головой. Ничего не помню, не слышал ничего. Только вот утром вы закричали "подъем", и я проснулся.

– Ну, хорошо, ты все честно рассказал?

– Все, как на духу, гражданин начальник.

– Ладно, не называй меня гражданином начальником, можешь просто, товарищ сержант.

Макаров вытащил из кармана бумажник, вынул из него три новеньких хрустящих рублевых бумажки и протянул Павлу.

– Вот возьми, можешь не возвращать.

– Обязательно верну, товарищ сержант, вы меня не знаете.

– Лучше ездите в поезде с билетом.

– Буду до конца жизни ездить с билетом. Спасибо. Тысячу раз спасибо.

Павел встал и даже поклонился милиционеру.

– Скоро прибудет поезд. Купите билет в кассе, и чтобы ноги вашей не было на станции.

– Не будет, товарищ сержант, даю честное благородное слово.

Павел направился к двери.

– Обождите, – вдруг остановил его милиционер. – Этого Иисуса я тоже отпустил, но что-то засомневался в его личности. Как вы думаете, что он из себя представляет?

Павел повернулся в дверях.

– Простой человек. Скромный и добрый. Мухи не обидит.

– С чего вы взяли, что он добрый?

– Заступился за пьяного. Сказал: "Что с него возьмешь, пьяный – как ребенок?"

Павел явно что-то путал, а может быть, решил выгородить Иисуса. Пока сержант некоторое время думал, Павел исчез за дверь. Выведя из камеры второго задержанного, Макаров приступил к допросу:

– Ну что, молодой человек, придется вас посадить на пятнадцать суток за драку и хулиганство в общественном месте.

Петр молчал, уныло опустив голову. Макаров, выдержав паузу, продолжал:

– Я вижу, что тебе очень хочется сесть на пятнадцать суток, так, что ли?

– Совсем не хочется.

– Но я посажу тебя.

– Воля ваша.

Макарова начинали злить ответы задержанного.

– Так тебе хочется или не хочется сесть на пятнадцать суток?

– Я же сказал, что не хочется.

– Почему не хочется?

– Дурацкий разговор. Не имею желаний.

– Только и всего?

– Товарищ милиционер, вы не издевайтесь надо мной, а делайте так, как нужно. Если я заслужил, то получу свое. Но я привык, чтобы во мне всегда уважали человека.

– Скажите, пожалуйста, какие мы гордые. Но я, в конце концов, могу и не садить тебя на пятнадцать суток, черт возьми.

– Тогда не садите.

– Но в таком случае ты должен рассказать все об Иисусе, которого я посадил в камеру вместе с вами.

– А что, он сбег?

– Не сбег! Не сбег! Я его сам отпустил, да что-то сейчас засомневался. А что, он готовил побег?

– Да нет, не то, чтобы готовил. Котя посоветовал ему бежать, когда узнал, что у того нет документов.

Петя, будучи силен задним умом, сказав эти слова, тут же пожалел, что невольно подвел товарища. Но, как говорят, слово не воробей, вылетит, не поймаешь. Макаров сразу же уцепился за его промашку:

– Так-так-так. Значит, Котя толкал его к побегу, говоришь.

– Не то, чтобы толкал, а сказал, что в нашей стране человек без документов – не человек, а подозрительная личность.

– Так и сказал?

– А разве это не правда?

Макаров пропустил мимо ушей это замечание.

– Ясненько. А еще что говорил?

– Больше ничего.

– А Иисус что говорил?– За все время слова не вымолвил.

– Он не показался тебе подозрительным?

– Нет. Обыкновенный простой человек.

– Ну, хорошо. Не будешь больше драться?

– Это как получится.

– Что значит, как получится? Ты дай мне слово.

– А если я слово не сдержу, опять подерусь?

– Тогда я посажу тебя на пятнадцать суток.

– Воля ваша.

– Вот что, катись-ка ты отсюда. Чтобы духу твоего не было на станции. Еще раз увижу тебя, накажу по всей строгости.

Петр встал со стула и, не поблагодарив, гордо вышел из служебной комнаты.

"Значит, испугался субчик без документов-то, – подумал Макаров, – Упустил. Должно быть, крупную рыбу упустил. Разведчика. А то поднимай выше. Самого резидента. Снимут мне голову за него, как пить дать, снимут."

Он подошел к камере и выпустил последнего задержанного свидетеля. Котя вошел в комнату и блаженно растянулся на стуле.

– Такой сон видел, гражданин начальник, такой сон, прямо-таки полжизни отдал бы за то, чтобы досмотреть его до конца, а вы мне помешали. Упустили вашего задержанного-то.

– Как упустил? Что ты мелешь, – возмутился Макаров. – Не упустил, а отпустил.

– Полно врать. Сбежал он от вас.

– А ты почему знаешь?

– Вижу по вашей виноватой физиономии.

– Ты мою физиономию оставь в покое. Скажи лучше, что ты подбивал его на побег. А может быть, ты даже содейство-

вал его побегу.

– Помилуйте, товарищ начальник, с чего бы это я содействовал ему? А если бы и содействовал, то неужели не сбежал бы вместе с ним? То, что я советовал ему сбежать, факт. Но его к делу не пришьешь. Я вот могу посоветовать вам положить голову на рельсы под поезд, вы же можете и не последовать моему совету.

– Довольно! – вскричал взбешенный Макаров. – Ну, и наглец же ты.

– Моё дело советовать, а дело других следовать этому совету или нет. Я за свои советы ответственности не несу.

– Нет, несешь.

– Нет, не несу. К тому же я мог посоветовать ему повеситься в камере, и что же? После этого я должен нести ответственность за его самоубийство? Нет уж, увольте, нет таких законов, чтобы так, за здорово живешь, наказывать людей за советы. А потом, какие это советы? Я мог также посоветовать ему убить вас, но это же в шутку. К тому же, как я вижу, свидетелей нет, тех, кто присутствовал при моих советах, вы их всех выпустили на волю. И правильно сделали. От свидетелей надо избавляться.

И Котя заговорщически подмигнул сержанту.

– Молчать! – заорал Макаров и грохнул кулаком по столу.

Он впервые в жизни вышел из себя. Он не находил слов, его душила бессильная злоба.

– Молчу. Молчу. Только успокойтесь, товарищ началь-

ник.

– Вы запугали его, сказав, что его затаскают по проверкам, – проговорил глухим голосом Макаров.

– Ах-ах, страхи божий, я запугал его, и он, наложив в штаны, сбежал. А вы должны были его охранять и прозевали. Нет, товарищ начальник, это даже хорошо, что вы разогнали всех свидетелей. Иначе вам бы головы не сносить.

– Но тебя я никуда не выпущу. Будешь сидеть здесь, пока не посинеешь.

– Шутите, товарищ начальник, мне смешно. Или вы меня отпустите подобра-поздорову как последнего свидетеля, или вам останется положить вашу голову на рельсы под поезд. Иначе ее вам снимет начальство.

– Оставь в покое мою голову, – заорал Макаров, сжимая кулаки. – Тебе что, жить надоело?

– О-о, это уже что-то новое. Если вы решили избавиться от меня таким путем, не советую. Хотя я и маленький человек, но все же кое-что значу, имею при себе документы. Хоть я тунеядец и паразит, но государство так просто, за здорово живешь, не даст меня уकोкошить. И я имею кое-какие права. Если даже вы меня сейчас разрубите на части и отправите в чемоданах разными скоростями в противоположные направления, все равно рано или поздно я протухну, и чемоданы откроют. А вот тогда и начнутся поиски, и обнаружатся четыре свидетеля, которые меня видели в последний раз в вашем прекрасном гостеприимном обществе.

– Да заткнешься ты, наконец, гнида! – заорал Макаров. – Или я тебя в самом деле пришибу.

Так Макаров выходил из себя впервые в жизни и разговаривал со своими задержанными.

– Молчу. Молчу. Но у вас другого выхода нет, как только меня отпустить. Вы же мудрый и понимаете, что человек без документов мог оказаться шпионом, готовящим крушение на железной дороге. А вы его упустили. Как это называется? Ротозейство? За это у нас по головке не погладят.

На Макарова нашла апатия, он сидел и не мог пошевелить ни ногой, ни рукой, а Котя все говорил и говорил своим певучим мурлыкающим голосом. Макаров его не слушал. Поезд в 7.15 пришёл и ушел. Макаров впервые за всю службу не вышел его встречать. Он сидел тихо, уставившись в одну точку, и только один раз сказал тихим голосом:

– Вон отсюда, гад. Чтобы ноги твоей здесь не было. Если же поймаю тебя хоть раз, то живым ты от меня не уйдешь, сгною живьем.

Котя не заставил себя ждать, он уже стоял в дверях и, на прощание помахав сержанту своей рваной шапочкой, сказал:

– Лучше будет, если вы вообще никогда меня не будете задерживать, иначе мне придется заложить вас.

Котя исчез, растворившись в полумраке коридора. А сержант милиции Макаров еще долго сидел, уставившись в одну точку.

За десять минут до окончания дежурства он собственно-

ручно убрал камеру, вымыл пол, заблеваный пьяным, порвал все ночные протоколы и рапорты. Затем сел за стол, ни на что не обращая внимания, с видом: да заедите меня комары и мухи! В таком состоянии и застал его сменный старшина милиции Потапов.

На вопрос, как прошло дежурство, Макаров ответил сослуживцу: "Ночь прошла спокойно." Такое случилось впервые в истории станции, во всяком случае, никто не помнил, чтобы за время дежурства сержанта Макарова все было спокойно.

Однако через три дня Макарова заела совесть, и он подал начальству рапорт:

"8 января 1988 года мною совершено тягчайшее должностное преступление. В ночь с 7-го на 8-е января мной был задержан подозрительный субъект, именовавший себя Иисусом Христом, Сыном Божьим, в возрасте 33-х лет. Я его поместил в камеру предварительного заключения. Однако между 5-ю и 6-ю часами 8 января Сын Божий сбежал из-под стражи, боясь, что от него потребуют документы.

При этом произошло Чудо: запоры сами отвалились, дверь открылась, и он беспрепятственно покинул КПЗ, исчезнув в неизвестном направлении. (Иначе я никак не могу объяснить его побег.) Это Чудо я не видел собственными глазами, но могу заверить под присягой, что произошло именно так.

Я проявил малодушие, вовремя не сообщил своему на-

чальству об этом происшествии, из-за чего упущено время для задержания Иисуса Христа, Сына Божьего. Скрыв этот факт, я также отпустил на волю всех свидетелей, которые сидели в одной камере с Иисусом Христом.

За все вышеизложенное прошу применить ко мне самое суровое наказание. Готов быть разжалованным в рядовые.

Сержант милиции Макаров".

Получив этот рапорт, начальство направило Макарова на лечение в специальный санаторий по глубоким психическим расстройствам, где он пробыл пять месяцев, после чего вернулся на свою работу. Но его уже не ставили в ночную смену, боясь повторения рецидива.

Начальство долго думало о причинах психической травмы Макарова и пришло к заключению, что на милиционера повлияло другое событие, случившееся с ним в этот же день после ночного дежурства.

Именно это событие и сделало Макарова героем не только посёлка, но и всей округи.

5. Как случилось освобождение Христа

Иисус Христос спал в эту ночь не более двух часов. Он проснулся, когда уже было пять часов утра, проснулся от клопочущих звуков и мерзкой вони. Пьяный, лежащий на полу, рыгал. Глядя на беднягу, можно было подумать, что его выворачивает наизнанку. Воздух в камере от блевотины становился невыносимым для дыхания. Иисуса Христа начало мутить. Ему захотелось выйти на чистый свежий воздух. За ночь, проведенную в камере, он отогрелся настолько, что ему был не страшен самый трескучий мороз.

Он встал с постели и посмотрел на своих товарищей по камере. Эти несчастные в ожидании Страшного Суда мирно спали, забыв о своих злключениях и несчастьях. Каждый из них стремился к какой-то цели, не мог достичь ее и страдал от этого. Но всех несчастней в эту минуту казался пьяный, и кто, как не он, нуждался в первой помощи.

Иисус Христос наклонился и дотронулся рукой до его одежды. И в тот же самый миг произошло чудо. Пьяный перестал рыгать, хмель мгновенно улетучилась из его тщедушного тела, и он сладко заснул, свернувшись калачиком, набираясь сил для нарождающегося дня.

Иисус посмотрел на запертые двери и улыбнулся: "Разве можно свободного человека запереть под замком?" Раз-

ве может какой-то сержант милиции Макаров упрятать свободную душу Христа в кутузку? По своей глупости сержант не знал, что стоит Ему, Сыну Божьему, прикоснуться к этой массивной двери, и запоры откроются, и замки сами падут. И улыбнулся он потому, что его сместила наивность сержанта Макарова, которого он тоже любил, как и всех этих несчастных задержанных людей.

Иисус подошел к двери и дотронулся до нее, и в тот же миг замок отлетел и с грохотом упал на пол, щеколда звякнула, сорвалась с петли и закачалась. Дверь распахнулась, приветливо приглашая на свободу. Но никто из спящих не проснулся. Иисус посмотрел на четверых несчастных.

"Да сбудется все, что они желают," – негромко произнес Он. И в ту же самую минуту Котя увидел сон, дивный сон, который ему ни разу в жизни не приводилось видеть. Он лежал на спине, раскрыв рот от удивления, и почти не дышал, замороженный видением чудесной киноленты, прокручивающейся в его жаждущей смысла жизни мозговой лаборатории.

Котя не любил кино, да у него и денег не было для подобных развлечений. "В кино все врут, – говорил он, – в жизни все не так, все иначе." Но во сне, который он видел в эти предрассветные часы, все было так, как должно быть в жизни. Петр и Павел тоже видели сны. Они улыбались. Возможно, им виделись сны, где сбывались их желания.

Иисус постоял некоторое время на пороге, затем вышел

и тихонько прикрыл за собой дверь. В служебной комнате никого не было. Иисус подошел к запертой двери, и дверь распахнулась перед ним. Пройдя коридор, он остановился в зале, где на скамейке спал сержант милиции Макаров. На его вытянутых ногах лежала газета "Гудок".

Иисус Христос постоял некоторое время возле него. В зале ожидания кроме их двоих никого не было. Бродяги и бездомные избегали заходить погреться в здание вокзала во время дежурства сержанта Макарова. Они боялись его, так как он устраивал на них гонение. Поэтому все лавочки по ночам пустовали, и сержанту Макарову уже редко удавалось поймать кого-либо и засадить в свою каталажку. И тогда он посадил туда самого Иисуса Христа, Сына Божьего. Вот такие дела. Но разве можно держать в неволе Свободного Человека, того самого, который приносит людям облегчение и добро? И поэтому Иисус Христос уходил от него, не испросив его разрешения.

Иисус Христос улыбнулся своей кроткой улыбкой и вышел на перрон, тихо-тихо притворив за собой дверь.

На перроне падал снег. Стояла еще ночь. Иисус вдохнул полной грудью чистый ночной воздух. Он перешел через железнодорожные пути и вышел в открытое поле. Под его ногами мягко хрустел снег, ноги не чувствовали холода. Густые хлопья снега падали на землю с тихим шумом, как кусочки намокшей ваты. Над бескрайним заснеженным полем не было видно неба, только мгла и хаос падающего снега, как в

День Первый при сотворении Мира. Мир творил Его Отец Бог Яхве, но Иисус представлял, как это могло произойти.

"Вначале Бог сотворил небо и землю. Земля была пуста и безвидна, и тьма зияла над бездною, и Дух Божий носился над водой. И сказал Бог: да будет свет. И стал свет. И увидел Бог свет, что он хорош, и отделил Бог свет от тьмы. И назвал Бог свет днем, а тьму – ночью. И был вечер, и было утро..."

И вдруг снег перестал падать, и стало тихо, и только был слышен скрип снега под ногами Христа. Иисус смотрел на восток, где кромка неба розовела от приближающегося рассвета. Он брел на восток параллельно железной дороге. Железнодорожная насыпь на самой дальней границе поля служила ему ориентиром. Он не удалялся от нее и не приближался, следуя на восток, туда, где лежал большой город, и где его помощи ждало много грешников и страждущих.

Вот раздался гудок электровоза, и на восток проследовал поезд, тот самый, который должен был отойти от станции в 7 часов 16 минут. Иисус знал, что в этом поезде в третьем вагоне едет Павел с одним рублем в кармане, и едет опять без билета, и через четыре станции его опять поймает контролер, но пожалеет, не станет штрафовать, а отберет рубль, который истратит себе на обед.

И поезд проследовал на восток, в его сторону смотрел Павел и не узнавал своего товарища по камере, да и мог ли он рассмотреть Иисуса с такого расстояния.

Поезд прошел, унося Павла навстречу новым приключе-

ниям, а Иисус Христос шел своей дорогой, думая одновременно сразу о судьбах многих людей, блуждающих в этом мире.

6. Дерьмовый кофе из буфета

Павел вышел из служебной комнаты сержанта милиции товарища Макарова с тремя хрустящими рублевыми бумажками. Зал ожидания уже наполнялся народом. В 7.15 ожидалось прибытие поезда.

Павел горел большим желанием побыстрее убраться с этой злополучной станции, где его, полусонного, ссадили ночью с поезда как безбилетного пассажира и, вдобавок ко всему, передали в руки правосудия. И всю ночь он проторчал в этой вонючей камере, где рыгал и пускал ветры пьяный. Но Павел также горел не меньшим желанием заморить червячка, чем-нибудь подкрепиться. Голод навалился на него с такой силой, что он ни о чем больше не мог думать. Со вчерашнего дня он не держал во рту маковой росинки.

Буфет только что открылся, и упитанная буфетчица разогревала вчерашний кофе и позавчерашние позы. От запахов и вида съестного у Павла потекли слюнки. Он постоял, потоптался у буфетного прилавка, помял в руках хрустящие рублики и, наконец, решившись, протянул их буфетчице. Павел купил три стакана кофе и полдюжины поз.

Можно было и не шиковать, взять что-нибудь поскромнее. Но уж такой был у Павла характер. Всегда в последнюю минуту, решая тратиться или не тратиться, он кончал колебания беспорным аргументом: "Живём один раз в жизни,

чёрт побери".

За еду Павел заплатил два рубля. Буфетчица обсчитала его всего на тридцать семь копеек. Перед ним тут же возникла проблема, как добраться до города с одним рублем. Билет стоил три рубля, но сама собой отпала другая проблема: поесть он мог уже сейчас.

Павел проглотил позы, запив горячим кофе. Кофе показался ему не вкусным, буфетчица подавала напитки в бумажных стаканчиках, и поэтому все они отдавали привкусом канцелярского клея. Однако позы оказались преотменного качества, хотя были позавчерашними.

Как только желудок наполнился живительным теплом, на душе Павла сделалось веселее. Он вышел на перрон, посмотрел на кружащиеся снежинки, снующих взад-вперед пассажиров с чемоданами и сумками, потянулся и сладко зевнул.

До прибытия поезда оставалось еще несколько минут, и Павел осмотрел достопримечательности станции. Недалеко от вокзала высилась водонапорная башня, оставшаяся еще со времен, когда паровозные котлы заливали водой. За станционными зданиями находился небольшой сквер. Поселок стоял от станции на приличном расстоянии. Перед входом в здание вокзала стоял облезший, тысячу раз ремонтировавшийся автобус. При желании на нем можно было найти марку серийного выпуска 1937 года.

Павел сочувственно похлопал старую развалину по радиатору и произнес: "Ну что, старичок, когда же тебя отправят

на свалку?"

Других достопримечательностей на станции не оказалось, и Павел вернулся на перрон. Он подошел вовремя, так как прибывал поезд 7.15. Павел сел в третий вагон опять без билета. Впрочем, в кармане у него оставался еще один рубль, которого не хватило бы ни на билет до города, ни на штраф за безбилетный проезд. Как только поезд тронулся, он стоя на подножке тамбура, отыскал глазами окно, где, по его предположению, должна была находиться комната милиции, и громогласно заорал: "Благодарю за гостеприимство!"

Когда вагон поравнялся с другим концом здания, где размещался зал ожидания, он прокричал в сторону буфета: "А кофе был дерьмовый!"

7. Новая учительница

С поезда 7.15 сошла кареглазая девушка с двумя чемоданами и сумкой, которые ей помог вынести из вагона любезный молодой попутчик. Он спросил девушку, куда ей можно написать письмо, но девушка не знала своего нового адреса, и молодой человек огорчился.

Девушка оказалась единственной пассажиркой, сошедшей на этой станции. Поезд стоял всего одну минуту и тут же тронулся в путь. Все пассажиры успели сесть в поезд. Перрон вмиг опустел.

Девушка стояла у чемоданов и искала глазами носильщиков. Наконец, ей пришла в голову мысль, что на такой маленькой станции может и не быть носильщиков. И как только она подумала об этом, тут же появился носильщик. Он подхватил чемоданы и спросил:

– Куда прикажете?

Она засмеялась, некоторое время думала, а затем спросила:

– А здесь ходит какой-нибудь транспорт?

– Только что ушел автобус. Что же вы прозевали его? Автобус вернется только через три часа.

Тут носильщик спохватился, вероятно, подумав о своей нерасторопности и еще о том, что девушка не успела сесть в автобус по его вине. Он сокрушенно покачал головой и ска-

зал:

– Чемоданы у вас очень большие. С такими чемоданами не очень разбежишься.

Затем сочувственно осведомился:

– А вам куда?

– Мне нужно в школу или районо, – ответила девушка.

– Это недалеко, могу вас проводить.

И он потащил чемоданы по перрону, сгибаясь под тяжестью ноши.

– Что в чемоданах? – спросил носильщик. – По весу похоже на кирпичи.

– Книги. Меня прислали в вашу школу, чтобы подменить учительницу, ушедшую в декрет.

– Вот оно что! – протянул носильщик. – Значит, вы новая учительница?

– Выходит, что так, но все же не совсем так. Пока я еще не учительница, а студентка. Меня направили в ваш поселок на полгода, до весны. Затем я вернусь в город и буду сдавать экзамены.

Носильщик поставил чемоданы на землю, встряхнул руки и вытер пот со лба рукавом пальто. Они прошли уже добрые полкилометра. Он посмотрел на студентку-учительницу и впервые заметил при розовом сиянии утреннего солнца, как она прекрасна. От мороза у девушки щеки пылали, как алые розы, и вся она казалась такой светленькой и чистенькой, как свежее утро. Девушка сняла рукавички и грела руки

своим дыханием. Она с интересом смотрела на носильщика и находила, что он "очень даже ничего". И вдруг они улыбнулись друг другу, и на душе у обоих сделалось легко и спокойно.

– А вас не хватаются на работе? – спросила она. – Мне кажется, что это уже не ваша работа – носить чемоданы за пассажирами в такую даль. Вот если бы у нас в городе были такие носильщики!

Парень растерялся и не сразу понял ее вопроса. Затем он рассмеялся и заявил:

– Так я же не носильщик, а шофер.

– А где ваша машина? – удивилась девушка. – Или вы шофер того автобуса, который уехал без вас?

И они оба рассмеялись. Смеялась девушка. И парень смеялся тоже. Девушка ему очень нравилась.

– Моя машина стоит в гараже, – наконец, сказал он.

– А что вы делали на вокзале?

– Я сидел в кутузке.

– Где вы сидели?

– В каталажке у дежурного по вокзалу милиционера.

– Сидели за драку?

– А как вы догадались?

– У вас это на лице написано.

Девушка засмеялась, как серебряный колокольчик. И парень почувствовал, что он по уши влюбился в нее. И ему показалось, что нет девушки на всем белом свете прекраснее,

добрее и веселее ее.

– Из-за чего случилась драка? – спросила она. Парень смутился, ему ни за что на свете не хотелось говорить подлинную причину драки, но и солгать он не мог. Он знал наперед, что никогда не сможет ей врать. Он махнул рукой и, подхватив чемоданы, сказал:

– Из-за ерунды, из-за сущей ерунды.

И подумал еще: "Пусть Магда достается Ваське Сорокину. Сегодня же при встрече с ним я откажусь от нее".

И его только что исцелившееся сердце пламенело уже другой любовью, более возвышенной и прекрасной.

Когда они подошли к школе, он знал уже, что ее зовут Марина. Самое красивое имя в мире. А она узнала его имя.

И Петр, поставив чемоданы на крыльце школы, спросил ее, что она делает вечером. И она ответила, что еще не знает, но, может быть, будет свободна. И он сказал ей, что вечером в поле за станцией очень ярко сияют звезды, и что он знает одно место, откуда очень хорошо видно звезду Алогрудого Снегиря. И девушка согласилась посмотреть на звезду с того места. И Петр побежал в гараж, где его ждала машина, а в его сердце, как в волшебном саду, расцветали цветы и пели райские птички. И по дороге он хохотал, как безумный, и принимался петь какой-то гимн, слов которого не знал.

8. Игра на спор с уборщицей

Котя вышел из комнаты милиции, прошел по коридору в зал ожидания, подобрав по дороге окурков, сунул его в карман и улегся на дубовой скамье. Ему хотелось досмотреть сон и удалось даже задремать, но сон был уже не тот.

Сдавший дежурство сержант Макаров прошел мимо спящего бродяги и впервые в своей практике не обратил на него внимания. Он думал о том, выдающем себя за Иисуса, Сыне Божьем, и корил себя, что упустил такую важную птицу.

Коте надоело смотреть пустой сон, и он проснулся. Мечтательно потянувшись, он старался припомнить тот, другой сон, который видел в камере, но его детали одна за другой ускользали из памяти, как песок сквозь пальцы. И чем больше он напрягал память, пытаясь что-то вспомнить, тем больше сон забывался. Это было какое-то наваждение. В памяти оставалось лишь что-то огромное, значительное и ценное, то, к чему всегда стремилась его душа и никак не могла постичь. В конце концов, он даже начинал забывать цвета этого сна, а они как раз играли большую роль в нем. Каждый цвет соответствовал какому-то забытому символу, но вот какому? Котя никак не мог понять. Его радостное возбуждение спадало. Ему казалось, что он отдаляется от чего-то теплого, чистого, приятного и до щемящей в сердце боли понятного. И он ничего не мог с собой поделать и начинал сердиться.

Котя, потянувшись, сел на скамье и огляделся.

В дальнем углу за столиком перед буфетом железнодорожник, стоя, уплетал за обе щеки утку. Он смачно жевал, и Коте было видно, как по его губам течет жир. Буфетчица где-то в глубине буфета, в каморке, гремела посудой.

Железнодорожник покончил с уткой, запил ее кофе из бумажного стаканчика, вытер жирные руки о полы шинели и направился к выходу.

Как только за ним закрылась дверь, в зале ожидания воцарилась тишина. Буфетчица уже не гремела посудой в каморке, она, вероятно, дремала, сидя на стуле.

Итак, в зале ожидания, кроме Коти, никого не было. Он заячьими скачками бесшумно добрался до буфета и набросился на объедки, оставшиеся на столике. Схватил с бумажной тарелки остатки утиной ножки и принялся их обглаживать, с хрустом перекусывал кость и отдирал зубами волокна сухожилий. Покончив с остатками утки, он перевернул себе в рот пустой бумажный стаканчик. Несколько капель кофе попало ему на язык, растеклось по спинке языка и растворилось в его организме, наполняя все существо блаженным ощущением комфорта.

Для Коти главным в еде был вкус. И чем меньше он чего-либо ел, тем вкуснее ему казалась пища. Вкус пищи наполнял его сытостью. И он здраво рассуждал: "Раз вкусил, значит, наелся." И он был почти сыт после такой трапезы. Ведь любой человек может насытиться даже крошкой хлеба,

если он съест ее с чувством, толком, расстановкой.

Коте часто приходилось голодать, и поэтому, когда ему доводилось приобщаться к трапезе, его сердце наполнялось естественно-безыскусным счастьем, которое способно возникнуть от самых примитивных вещей, например, от трех капель кофе.

Котя блаженно потер живот и вернулся на свою обогретую собственным телом скамейку. Сейчас он мог спокойно помечтать и еще раз попытаться вспомнить тот волшебный сон, который приснился ему в камере предварительного заключения.

Появилась уборщица с ведром воды и шваброй. Она мочила тряпку в ведре, наматывала на швабру и возила ею по полу почти так же, как дворник подметает мостовую. Когда она наклонялась к ведру, то из-под ее юбки выглядывали синие трусы, натянутые почти до колен на коричневые хлопчатобумажные чулки. Ноги старухи, изуродованные подагрой, представляли собой не очень аппетитное зрелище, и Котя перестал смотреть в ее сторону.

Котя жил жизнью божьей птички, не думая, чем заняться, куда отправиться. Как Бог решит, так он и проживет день. Он лег на бок и положил руку под голову, посмотрел в окно, где начиналось утро. Затем перевернулся на спину и стал смотреть в закопченный потолок.

В голове у него не возникало ни одной мысли, его мозг отдыхал так же, как умеют отдыхать натруженные мускулы

после изнурительной работы. Из всех людей на свете только он, Котя, научился так владеть собой, концентрироваться на пустоте и отключаться от всего мира. Пока что ни одному человеку на земле не удавалось этого проделать.

Даже если человеку кажется, что он ни о чем не думает, все равно он думает о том, что он ни о чем не думает. А вот мозг Коти и в самом деле не думал ни о чем. В данную минуту серое вещество его головного мозга было таким же бездумным и не выражало ни одной мысли, как этот серый потолок. И в эту минуту Котя был по-своему счастлив.

Котя постоянно следил за гигиеной тела и проверял, не завелись ли у него вши. Обычно на это дело у него уходило много времени, он и сейчас решил осмотреть себя. Расстегнул фуфайку и внимательно осмотрел ее с изнанки. Затем стянул дырявый, пропахший потом столетней давности свитер, снял рубашку, которая уже не имела определенного цвета. Он принялся внимательно исследовать швы одежды. Так он сидел голым по пояс с волосатым животом и грудью, когда до него домела мусор уборщица.

– Ты бы и штаны снял, – посоветовала она.

– Это идея, – обрадовался Котя и стал расстегивать прореху.

– Э-э! – протянула старуха и постучала себя пальцем по виску. – Совсем спятил.

Но Котя, не обращая на нее внимания, стянул брюки и остался в одних трусах. Он аккуратно уложил одежду на ска-

мейке, вынул из кармана брюк окурок, закинул ногу на ногу и любезно обратился к старухе:

– Милейшая, у вас прикурить не найдется?

– Э-э, – заблеяла старуха. – Выступальщик нашелся. Ты бы еще в таком виде вокруг вокзала обежал.

– А что, и это неплохая идея, – заметил Котя, – однако лишена всякого утилитарного значения. Вот если бы ты, старая, заплатила мне за этот цирковой номер, я бы еще подумал.

– Неужто побежал бы? – удивилась уборщица.

– А что? Для тренировки тела и бодрости духа совсем неплохо пробежать по снегу.

– И даже без трусов побежал бы? Котя задумался.

– Можно и без трусов, только тогда нужно будет поднять тариф.

– Двадцать копеек могу дать.

– Поднимай выше.

– Двадцать пять.

– Меньше чем за рубль не побегу, – заявил Котя. Бабку обуял азарт.

– Ну, раз за рубль, так за рубль. Беги.

– Деньги на бочку.

– Ишь ты, чего захотел, заберешь рубль и обманешь, не побежишь.

– Правильно, старая, – похвалил Котя, – соображаешь. Тогда так сделаем, милейшая. Ты подойдешь к дверям и при-

готовишь рубль. Как только я выйду на перрон, ты бросишь мне рубль и запрешь дверь, можешь ее держать запертой, пока я не обегу вокруг вокзала.

– Идет, – согласилась уборщица.

Она подошла к двери и приготовила рубль, не веря еще в условленную шутку, которую собирался проделать Котя.

Котя спокойно стянул трусы и рысцой, как древнегреческий бегун на Олимпийских играх, двинулся по направлению к двери.

События развивались так, как и представил их Котя. Бабка выбросила ему рубль на перрон и тут же, захлопнув дверь на щеколду, побежала к окну смотреть на спектакль. Котя подобрал рубль, зажал его в кулаке и рысцой побежал по перрону, обогнул с торца здание, выбежал к скверику. Здесь он подрыгал ногами, скатал снежок и потер им грудь, живот и бедра, совсем как в бане мылом. Впрочем, снег он часто использовал как гигиеническое средство против вшей.

Котя слепил еще один снежок и запустил им в окно зала ожидания, выходящее в скверик. Старуха в окне погрозила ему кулаком. Затем он обежал здание вокзала с другого торца и выбежал на перрон.

В это время по железнодорожным путям проследовал скорый поезд. Котя спокойно семенил по перрону, а иностранцы и простые пассажиры обалдело облепили окна вагонов. Подобную картину им еще не приходилось наблюдать ни на одной станции Транссибирской железной дороги. Котя при-

ветливо помахал им рукой. Дежурная по вокзалу, вышедшая встречать поезд, стояла с поднятым флажком и внимательно следила за буксами проезжающих вагонов. Она не могла видеть того, что творилось у нее за спиной. Котя пробежал рядом с дежурной по вокзалу и направился к входным дверям.

Дверь оказалась запертой. Котя дернул дверную ручку сильнее. Безрезультатно. Внутри – никакой реакции.

– Ты что же, старая, уснула там? – заорал он в щель между створками дверей.

Но изнутри ответа не последовало.

Котя забарабанил кулаками в дверь. Тишина. Поезд прошёл, и дежурная обернулась. Она ахнула, увидев голого мужчину, ломящегося в здание вокзала.

– Ну, старая карга, ты у меня доиграешься, – орал Котя и стучал кулаками и ногами в дверь. – Я сейчас отправлю тебя на живодерню.

Дежурная по вокзалу бочком-бочком припустила бежать в сторону водокачки, в мастерскую к железнодорожникам. Никто не знает, что она подумала, глядя на голого человека, орущего про живодерню, но по её виду можно было судить, что вся эта сцена нагнала на нее много страха.

Котя, уставший барабанить в дверь, подошёл к окну и попытался рассмотреть, что происходит в зале ожидания. Там никого не было, а его одежда исчезла с лавки.

– Ах ты, старая падла, ты еще такую шутку вздумала выкинуть, – рассвирепел Котя и принялся тарабанить в окно,

готовое разлететься вдребезги.

На какое-то мгновение появилось испуганное лицо буфетчицы. Она в ужасе отпрянула от окна, и опять все стало тихо.

Котя от досады собрался было выбить окно, как дверь открылась, и на пороге появился старшина Потапов, дежурный милиционер по вокзалу.

– Ну входите, входите, молодой человек, – гостеприимно распахнул он двери. – Милости просим. Озябли-с?

Котя не ожидал такого поворота событий и в нерешительности топтался на месте. Ноги примерзали к утоптанному снегу, все тело содрогалось от холода, зубы отбивали чечетку, орган деторождения сморщился и съежился.

– Прошу, прошу же, – ласково приглашал старшина. – А то вы простудитесь, заболаете и умрете.

Котю, как магнитом, тянуло в тепло. Он вошел в здание вокзала, посиневший, с трясущейся челюстью.

– Где же вы потеряли одежду, гражданин хороший? – участливо спросил Потапов. – Может быть, вас раздели? Ах, какие беспардонные грабители, даже трусов вам не оставили.

Котя силился что-то сказать, показывая на скамейку, где он оставил свою одежду, но челюсти у него словно свело судорогой, и вместо голоса были слышны лишь звуки: цак-цак-цак.

– Ну, вот что, – сказал Потапов, – пожалуйста в комнату милиции. Мы составим протокол о случившемся.

Котя в сопровождении милиционера проследовал мимо

буфета. Буфетчица забилась в свою каморку и даже не выглянула, до того она была женщиной скромной и стеснительной.

В знакомой комнате милиции уже сидела уборщица и плакала в носовой платочек. Котиных вещей нигде не было видно.

– Присаживайтесь, любезный кавалер, – предложил ему стул Потапов рядом со старухой. – И расскажите мне, какой вышел спор промеж вас.

Котя только сейчас вспомнил о зажатой в кулаке рублевке. Он хотел спрятать ее в карман, но карманов на его голом теле не оказалось. Старуха плакала навзрыд.

– Вы что же, рехнулись оба? Такой спор затеяли, – строго произнес Потапов, глядя на странную компанию.

– Вот сейчас я составлю протокол по всей форме и отправлю вас обоих в КПЗ на пятнадцать суток за хулиганство.

– Миленький, прости, больше не буду, – завопила старуха. – Черт попутал. На старости лет совсем из ума выжила. А этот окаянный разделся в зале еще до того, как мы поспорили. Сидел в одних трусах, все свои прелести выставил на показ. Ну и дернул меня леший, старую, сказать ему, что не верю, что он обежит вокруг вокзала голым, в чем мать родила. Сказала-то я в шутку, а он, дурак, побежал.

– Так-с, значит, говоришь, что сказала в шутку, – протянул Потапов. – И рубль ему дала за это.

– Попутал черт, грешную. Думала, что не обежит, аи вон

те на, что вынудил.

– Рубль не отдам, – заявил Котя, оправившись немного от озноба. – Он мне достался за тяжелые труды.

– На кой мне черт этот проклятый рубль, – выла бабка. – Батюшка родненький, не губи меня, грешную. Не позорь перед людьми. Какой срам будет, если узнают, что меня за хулиганство посадили. Уж лучше сесть за кражу. Прости, голубчик, святым Богом тебя молю.

– Что-то ты поздно о Боге вспомнила, старая карга, – заметил Котя, – раньше нужно было думать о нем. А где моя одежда-то?

Старуха слезными глазами указала на милиционера. Старшина Потапов смотрел то на старуху, то на голого бродягу, потом пришел к соломонову решению:

– Вот что, голубчики, я не буду оформлять на вас протокол. Волокиты много, да и не стойте вы этого. А запра-ка я вас вместе в этой комнате прямо вот в таком виде на денек. Ты, старая, на него полюбуешься, а он пусть перед тобой покрасуется. А что делать? Если вам так нравится это безобразие.

Милиционер встал и направился к двери, звеня ключами.

– Э-э! Товарищ начальник, мы так не договаривались, – запротестовал Котя. – Я ей показал себя за рубль, а если целый день так торчать, пусть платит червонец.

– Миленький, не губи, – завопила старуха, глядя на милиционера умоляющими глазами. – Избавь меня и защити от

этого ирода и супостата.

Милиционер остановился в дверях, посмотрел на эту странную парочку и беззвучно выругался:

– Тьфу, какая пакость. Смотреть на вас тошно.

Он подошел к столу, открыл ящик и вынул Котины вещи.

– Убирайтесь сейчас же, и чтобы духу вашего на станции не было.

Котя поспешно принялся надевать трусы и брюки. Старуха вскочила со стула и кинулась было из комнаты, но тут же спохватилась:

– Дозволь, миленький, только уборку закончить. Потапов зыркнул на нее, старуха моментально скрылась за дверью. Котя натягивал рубаху и свитер.

– Послушай, дорогой, – обратился к нему Потапов, – ехал бы ты отсюда подальше куда-нибудь. Я бы тебе из своих денег выдал на билет до следующей станции.

– Это можно обмозговать, – растягивая слова, молвил Котя, – только мне что-то не очень хочется так скоро покидать такие красивые места. К тому же я еще не успел осмотреть все достопримечательности вашего поселка.

– Ну, как знаешь. Завтра будет поздно.

– Это почему?

– Завтра будет уже не мое дежурство.

– Может быть, вы сегодня на ночь приютите меня в камере? – полюбопытствовал Котя, подумав о ночлеге. – У вас тут тепло, а в зале ожидания постоянно дверями хлопают и

все тепло выпускают наружу.

– Если я тебя посажу, то не на одну ночь, – ответил Потапов.

– Что же, посадите, – сразу же согласился Котя.

– Нет уж, дорогой. Ишь, ты чего захотел. Поить, кормить тебя. На кой черт это нам надо. Иными словами, ты хочешь, чтобы я тебя, такого лодыря, взял, ни за здорово живешь, на полное государственное обеспечение? Нет уж, дорогой. Не рассчитывай. Но запомни, если что стянешь в поселке или еще что натворишь, засажу тебя на полную катушку, так и знай. А сейчас выметайся, и чтобы ноги твоей не было на станции.

– Спасибо, товарищ начальник, за вашу заботу.

И Котя с рублем в кармане отправился в поселок.

9. Христос в лесу

Иисус Христос перешел автомобильную дорогу и углубился в лес, уходя все дальше и дальше от железной дороги. В лесу снежный наст оказался твердым, скованный морозом и спрессованный ветрами. Ноги Христа не проваливались в сугробы, кажущиеся застывшими волнами. Идти было легко.

Почти две тысячи лет назад Христос удивил своих учеников, когда пошел по воде. И Петр усомнился в его чуде, испугался и сразу же провалился в воду. Для того, чтобы идти по воде, нужно верить в свои силы, а если понадобится, можно стать легким, как пушинка. И от одной веры вода может превратиться в твердь.

Иисус вспомнил второй день сотворения мира, когда Бог доказал, что можно найти опору даже посреди воды.

"И сказал Бог: да будет твердь посреди воды, и да отделяет она воду от воды'. (И стало так). И создал Бог твердь, и отделил воду, которая под твердью, от воды, которая над твердью. И стало так. И назвал Бог твердь небом. (И увидел Бог, что это хорошо.) И был вечер, и было утро: день второй."

А этот снег – не твердая ли это вода? И лед тверд, и тверже льда есть только камень.

Иисус увидел на снегу следы от шин автомобиля. Дороги нигде не было видно, а снег выдержал даже машину.

Небо было синим-синим, и оно тоже походило на лазурную твердь.

Чуть подалее Иисус увидел коровьи и человечесьи следы и сразу понял, что где-то поблизости вершится беззаконие, и Он поспешил на помощь грешникам. Но было уже поздно. Невдалеке замычала корова и грянул выстрел, раскатившись звонким эхом по лесу. Иисус шел туда, где люди нуждались в нём.

Он вышел на большую поляну. Двое людей обдирали кровавую тушу. Рядом лежала только что застреленная корова. В десяти шагах от них стояла легковая машина. Люди ловко орудовали ножами, расчленяя тушу. Расчленённые части они складывали в целлофановые мешки и прятали в багажник машины. Эти двое были охотниками, но необычными: они охотились на коров.

Иисус выступил из леса и молвил:

– Что вы делаете? Опомнитесь! Грешно красть чужое добро.

И злоумышленники от неожиданности вздрогнули. И вначале у них затряслись руки и ноги, а когда один из них опомнился, то схватил ружье и наставил его в грудь Иисуса Христа. Его окровавленные руки тряслись, и он мог убить Христа из страха, и его голос срывался, когда он молвил:

– Что тебе нужно? Убирайся, пока цел. Не видишь, мы заняты своим делом.

– Вижу, – ответил Христос, – вы свежете ворованных ко-

ров.

– Не правда, – заявил человек с ружьем, – это наши коровы.

– Вы нарушаете сразу две заповеди, – возразил ему Христос. – Во-первых, вы крадёте, а во-вторых, вы лжёте. Эти коровы украдены сегодня ночью из коровника в колхозе "Светлый путь". Опомнитесь, я пришел, чтобы спасти ваши души, очистить ваши сердца от скверны.

Злоумышленники переглянулись. Один другому показал, что у пришельца не все в порядке с головой. Увидев, что Иисус пришел один, осмелел и второй злоумышленник.

– Послушай, цыган, катись-ка ты отсюда подобру-поздорову, – сказал он, поднимаясь от туши с окровавленным ножом. – А то мы можем и тебя этим ножичком освежевать.

Он подошел к Иисусу вплотную и приставил нож к его подбородку. Несколько капель крови скатилось с ножа на Христов плащ.

– Что ты корчишь из себя праведника? Сам, наверное, конокрад, а лезешь учить нас, как нужно жить.

И Иисус увидел, что взывать к их сердцам бесполезно, что они заблудшие овцы, ибо они погрязли в грехе и пороке, и, повернувшись, он пошел прочь от них. И один сказал другому: "Надо бы его пристрелить, а то он нас заложит." И другой возразил: "Ты что? Спятил? Это же не корова." И тогда человек с ружьем сказал человеку с ножом: "Сматываемся." И они заспешили, заталкивая остатки туши в багажник. И

когда Иисус углубился в лес, машина отъехала с поляны в противоположную сторону.

Иисус со скорбью любил и жалел этих злоумышленников. А на поляне осталась лежать убитая, никому не нужная корова.

10. Разговор ассигнаций в касе столовой

В то самое время, когда Иисус встретился со злоумышленниками в лесу, Котя переступил порог поселковой столовой близ железнодорожной станции. Он не хотел есть, но так как в его кармане завелся рубль, честно заработанный тяжкими трудами, то он решил депонировать его в калории, надежно сохранив его в своём организме, как верблюд хранит в своем горбу, запас жизненных сил во время долгих странствий.

В столовой за столиками сидело четверо слесарей-механизаторов, лоботрясов-умельцев из мастерской "Сельхоз-техники". Последние два месяца на склады мастерских совершенно прекратилось поступление запчастей, и поэтому у слесарей не оказалось работы, но так как все они были окладниками, то запчасти их не интересовали так же, как сама работа. Большую половину дня они проводили в столовой, благо столовая находилась рядом с мастерской. Обычно они резались в домино или попивали пиво.

Заведующая Ксюша терпела их азартные игры и "маленькое пьянство", потому что, благодаря им, не знала забот об отопительной и водопроводной системе своей столовой. Эти большие мастера могли починить любую вещь "на совесть", если этого хотели, к тому же с заведующей столовой денег не брали.

Когда Котя вошел в столовую, слесаря на минуту от-влеклись от игры и разом посмотрели в его сторону.

– Не из нашего поселка, – глубокомысленно заметил толстый рыжий бородатый слесарь, держа волосатыми пальцами костяшки домино.

– Что-то я его в нашем районе не видел, – произнёс лысый слесарь в очках. – Должно быть, приезжий.

– Самый настоящий бродяга, не видишь, в каком рванье, – констатировал бывалый слесарь со шрамом на подбородке.

Самый молодой, щупленький слесарь ничего не сказал. У него не было ни жизненного опыта, ни своего мнения. Слесаря опять увлеклись игрой, и доносились только стук костяшек и выкрики игроков: "Дубль..., качусь..., рыба..."

Котя взял поднос и подошел к раздаче. Перед ним у стойки изучал меню плешивый бородатенький человек в железнодорожной форме с какими-то знаками отличия. Он только что проехал до города и вернулся. Как говорят, челночный рейс: туда-сюда, туда и обратно. И вернулся он как раз к обеду. Человек долго и внимательно изучал меню на стене, как будто был ревизором из управления общественного питания или работником ОБХСС. Его все знали. Он являлся жителем этого поселка. Уважаемый человек.

Заметив Котю, он поспешил взять поднос и подойти к раздаче, встав впереди Коти, хотя очереди никакой не было. Впрочем, он имел полное право быть первым в очереди из двух человек, во-первых, потому что прибыл в столовую

первым, во-вторых, потому что принадлежал к контролирующей элите общества, в-третьих... Одним словом, у него было достаточно прав, чтобы быть в очереди первым.

На его подносе уместились тарелочка с салатом из капусты, тарелка побольше с борщом, тарелка поменьше с фрикадельками и картофельным гарниром, стакан компота и два кусочка хлеба. На подносе Коти уместились тарелочка с салатом из капусты, тарелка побольше с борщом, тарелка поменьше... и так далее, одним словом, все то же самое и те же два кусочка хлеба. Другого выбора в столовой не было и быть не могло. Меню всегда оставалось стабильным и вечным. Когда человек приблизился к кассе, кассирша ему мило улыбнулась и ангельским голоском сказала:

– С вас девяносто семь копеек.

Человек вытащил толстый бумажник и дал ей рубль. Кассирша вежливо улыбнулась и сдала сдачи три копейки.

Кассирша хотела обсчитать Котю на двадцать три копейки (к чему церемониться с заезжими), но у нее этого не получилось. У Коти все было в порядке с арифметикой. Он отдал ей свой единственный рубль и получил законную сдачу – три копейки.

И тут произошла приятная встреча. В ящике кассы встретились две новенькие хрустящие рублевые бумажки, которые еще утром лежали вместе, как у Христа за пазухой, в бумажнике сержанта милиции Макарова. Это были сестрички, абсолютно друг на друга похожие, их разделял только один

номер. Утром в их компании находилась еще одна сестричка, но, к сожалению, уплыла в неизвестном направлении.

– Ах, какая приятная встреча, – сказала сестричка, побывавшая в бумажнике человека в железнодорожной форме.

– Ах, какая неожиданная встреча, – воскликнула сестричка, томившаяся в грязном кармане Коти. – А я думала, что мы уже никогда не встретимся. Скорее расскажи, что с тобой приключилось сегодня. Ах, как интересно!

– После того, как мы расстались, и вы с другой сестренкой остались в буфете, я поехала с моим бедным господином в поезде. У него не было билета, и его оштрафовал мой новый господин – контролер. Вернее, он его не оштрафовал, а просто конфисковал меня у него и положил в свой бумажник.

– Ах, какой негодяй!

– И не говори, дорогая.

– За одно утро он положил в свой карман тридцать девять рублей.

– Неужели по железной дороге ездит так много зайцев?

– Еще бы им не ездить, моя милая, билет до города стоит три рубля, а они ему платят всего один рубль без квитанции, и никто не остается в накладе. Вот так эти добропорядочные люди и делают из государственных предприятий кормушку.

– Вот никогда бы не подумала, а с виду такой интеллигентный.

– Еще бы не стать ему интеллигентным. Контролер-ворюга. А где ты была, что видела?

– Как только я попала с моей сестренкой в буфет, то такого нам порассказали о нашей буфетчице ассигнации разного достоинства, что диву даешься. Она и обманывает покупателей, и сама делает пересортицу, сама устанавливает цены. За день в ее кошельке оседает от семидесяти до ста двадцати рублей.

– А с виду очень скромная и стеснительная женщина.

– Много таких в этом мире скромных и стеснительных.

– Жулье, кругом жулье, одно жулье, – зашуршали другие бумажки разного достоинства. – Еще посмотритесь за свою жизнь на этих порядочных, интеллигентных, скромных и стеснительных...

Среди всех денег в кассе две рублевые сестрички были самыми молодыми.

Котя без всякого аппетита проглотил обед и тут же уснул за столом. Вся его кровь отлила от головы к желудку.

Когда наедаешься пищей в таком изобилии, она теряет всякий вкус.

Котя спал. Слесари стучали костяшками домино. Контролер, скромно пообедав, ушел. Все выглядело мирно и благопристойненько.

– А что потом случилось с тобой? – спросила рублевка свою сестричку.

– Потом я попала вместе со сдачей к старухе уборщице, но у нее пробыла совсем недолго. Ты даже представить себе не можешь, что происходит на этом свете, и чего я натерпелась.

Эта старуха всучила меня голому мужчине, и он бегал по морозу, зажав меня в кулаке.

– Ах! Ах! Какая невероятная история! – восхитилась сестричка. – А что было потом?

– Потом я попала в его грязный карман. И только после этого мы с тобой встретились.

– И как тебе приглянулся твой последний господин?

– По-моему, он милый человек. Во всяком случае, я не заметила, чтобы он крал.

Котя что-то буркнул сердито спросонок. Он не любил, когда его хвалили. Переложил голову другой щекой на стол и продолжал видеть новые вещие сны.

Когда Котя проснулся, за столиком рядом со слесарями сидел колхозный сторож, вернувшийся с соседней станции, и рассказывал:

– В колхозе "Светлый путь" сегодня ночью опять украли двух коров. Это цыгане воруют. Лошадей в колхозе не стало, так они и переключились на коров. Вчера вечером я лично был свидетелем, видел собственными глазами, как на станции сержант Макаров задержал их главного цыгана. Тот, говорят, сразу же раскололся и сказал, что они стоят недалеко всем табором. Жрать им нечего, так вот украдут коровенку и потом неделю гужуются, жрут одно мясо.

– А что им делать? Цыгане не привыкли работать, – произнес глубокомысленно толстый рыжий бородатый слесарь, перебирая волосатыми пальцами костяшки домино.

– Все это вранье, – вдруг произнес Котя. – Коров украли не цыгане.

Все разом повернули головы в его сторону.

– А кто же? – обалдело спросил колхозный сторож. – Если не цыгане, то кто же?

– Коров у вас крадут двое человек. Оба они из города. Один из них инженер, а другой преподаватель института.

– Ты что же, из милиции? – спросил сторож, подозрительно осматривая Котю с головы до ног.

– Нет, не из милиции. И тот человек, которого задержал вчера сержант Макаров, тут ни при чём. У него не оказалось с собой документов.

– Поди-ка, ты и это знаешь? – с издевкой протянул сторож. – Ты, что ли, присутствовал там на станции при задержании цыгана? Я что-то тебя не припомню.

– При задержании не присутствовал, а вместе с ним в одной камере сидел.

Сторож даже присвистнул от удивления.

– Так значит, ты из одной шайки с ним?

– Ну и дела! – произнес самый молодой, щупленький слесарь, не имевший жизненного опыта.

Все молча таращили на Котю глаза.

– Я не имею никакого отношения ко всему этому делу, – заявил Котя.

– За что же тебя посадили за решетку? – спросил сторож.

– За бродяжничество.

– А откуда ты знаешь об этих двоих, которые украли коров?

– Откуда, откуда, – замялся Котя, – сон только что видел. Сторож и слесари разразились хохотом.

– Ах, умора, – визжал лысый слесарь в очках, – он увидел сон. Ха-ха-ха. Может быть, ты их и поймал во сне?

– Поймать-то я их не поймал, – ответил серьезно Котя. – А вот пойманы они будут. И очень скоро.

– Когда же это? Может быть, ты и время назовешь. Э-хэ-хэ-хэ, – держался за животик бывалый слесарь со шрамом на подбородке.

– И назову, – спокойно ответил Котя. – Это случится через сорок пять минут.

– Ха-ха-ха!

– Хе-хе-хе!

– Хи-хи-хи!

– Не я поймаю, а поймают их ваш участковый милиционер сержант Макаров.

И сторож, и слесаря корчились от приступов смеха. Слезы бежали у них из глаз. А молодой шупленький слесарь сполз коленями на пол и, показывая пальцем на Котю, вопил:

– Вот он, выискался ясновидец! Хи-хи-хи, а я все думал, кто это там сидит.

– Не верите, не надо, – сказал Котя и отвернулся от них в сторону окна.

Когда приступы смеха прошли и все немного успокои-

лись, сторож, вытирая кулаком слезы, сказал:

– Ты бы, парень, поменьше трепался. Здесь у нас не любят болтунов, которые врут, потеряв всякую совесть.

– Я не вру. Сами убедитесь в этом, – с достоинством ответил Котя.

– Если хотите, я наперед скажу вам о всех событиях, которые произойдут в округе.

– Ну и что же это за события такие? – спросил сторож. Слесари уже теряли к этой шутке интерес.

– Сегодня ночью, например, близ вашего поселка произойдет авария. Перевернется грузовая машина, но водитель останется жив, хотя и пострадает.

– И кто же этот водитель?

– Я во сне не разглядел его лица, было темно, потому что это произойдет ночью. А завтра в колхозе "Трудовой кооператив" сгорит коровник вместе со сторожем и всеми коровами, – продолжал пророчествовать Котя.

Но его уже никто не слушал. Каждая шутка тоже имеет свои границы. Слесари забивали своего "козла", а сторож наблюдал за ними, увлекшись игрой.

Котя посидел еще немного в столовой, встал и вышел на свежий воздух.

11. Шантаж

В то время, когда в столовой поселка, что расположен близ железнодорожной станции, Котя предсказывал грядущие события по своим вещим снам, в городе директор фабрики Чубов только что провернул выгодное дельце. В его кармане увязло двести пятьдесят рублей. Что ни говори, деньги достались даром, можно сказать, упали, как манна с небес.

Правда, затрачены некоторые умственные усилия, проявлено немного изворотливости. Однако все не так уж плохо получилось. Чистая комбинация ума, и четверть тысячи в кармане. Есть определенный риск, но в нашей жизни и шага не сделаешь без риска. Правда, есть закон, который может больно прищемить хвост. Но, как говорится, Бог не выдаст, свинья не съест.

А потом, разве двести рублей – деньги? Жизнь стала ужасно дорогой. Пальто жене стоит семьсот рублей, дочери – дубленка, сыну – дубленка. Кооператив, машина, гараж, еще и дача в придачу. А скоро еще один кооператив нужно будет строить. Так что эти двести пятьдесят рублей – детишкам на молочишко, но по копеечке может набежать миллиончик. Вот они, миленькие десятички, в бумажнике. Что ни говори, а приятно.

Чубов стоял у входа в ресторан и блаженно поглаживал

грудь, где лежал бумажник с хрустящими ассигнациями. Он решил зайти в ресторан, отметить это событие без излишеств, скромно, в одиночестве. Спиртного – ни грамма. Так только, вкусно пообедать. Севрюжка, икорочка, котлеты по-киевски. Можно и бутылочку пива, но нет, не стоит, будет пахнуть, а нужно еще зайти на работу.

В ресторане Чубов скромно устроился в углу. Зачем привлекать внимание к себе. Он вкусно поел. На душе было тревожно и весело. День был пасмурный, пробрасывал снежок, солнце за весь день так и не показалось ни разу. В такие дни только и делать себе приятные подарки.

Когда Чубов выходил из ресторана, его остановил старый однокашник. Один из спившихся. Чубов давно бы перестал с ним здороваться, но однокашник сам его примечал, и все время – одно и то же, одно и то же...

– Здорово живёшь!

Сам однокашник жил не очень здорово. Часто попивал. Жена его оставила, с работы постоянно выгоняли за пьянство. Из денег, которые у него иногда водились, нужно было посылать алименты. К тому же иногда он посылал немного денег своей старой матери в деревню.

– Пальто новое, шапка новая, должно быть, из соболя. Из соболя.

С началом морозов Чубов сменил кожаное осеннее пальто и мягкую фетровую шляпу на более теплое пальто из ламы и соболиную шапку, по сезону, и чувствовал себя во всем но-

вом наряде так же великолепно, неотразимо и уверенно, как и прежде. Нет, что ни говори, а одежда значит очень многое.

– Небось, шестьсот рублей отдал за такую шапку?

– Шестьсот.

– Вот я и говорю, здорово живешь.

– А кто тебе не дает?

Однокашник безнадежно махнул рукой. Его морщинистое лицо изобразило гримасу. Он засунул красные руки в карманы потрепанного пальто. У него не было даже перчаток.

– Извини, Паша, спешу, – сказал Чубов. Разговоры с этим опустившимся типом ему никогда не доставляли удовольствия.

– Значит, занят, – многозначительно произнес бывший друг. – Ну что же, не смею задерживать. А я так рад был тебя встретить, давно ведь не виделись.

Чубов вспомнил, что они встречались в конце осени и он одолжил тому три рубля. Впрочем, слово "одолжил" не соответствовало действительности. Больше подходило слово "подарил". Уж очень тогда друг жаловался, что ему нужно по-видать больную мать в деревне, а билет до деревни стоил три рубля. Ну, дал ему трешку, что поделаешь. В последний раз. Друг задолжал ему уже двадцать семь рублей, и получить с этого прощелыги свои деньги Чубов уже не надеялся. Долги тот, по-видимому, никому не возвращал. Как ни странно, от друга не пахло перегаром. "Ещё не успел", – подумал Чубов.

– Ну, бывай.

Чубов уже было двинулся своей дорогой, как однокашник придержал его за локоть. Это ему сошло.

– Что такое?

– Послушай, будь добр, займи мне пятак.

– С какой стати? Ты у меня и так уже около тридцати рублей занял.

– Считаешь?

– А как же.

– Это хорошо, что считаешь. Ну, займи, будь другом, позарез нужно. Я совсем на мели остался. Только с вокзала. В поезде контролер последний рубль забрал.

И однокашник в подтверждение своих слов вывернул карманы пальто.

– Нет у меня денег, – твердо заявил Чубов. Когда-то нужно было кончать с этим делом.

– У тебя-то нет денег? – осклабился однокашник. – Да у тебя их куры не клюют.

– А ты их считал?

– Считал.

– Сколько есть, все мои.

– Разумеется, – однокашник захихикал.

Его лицо опять избороздили морщины. "Как он постарел, а ведь мы одного года рождения", – подумал Чубов.

– Так значит, не займёшь?

– Нет, не займу, Павел, – наотрез отказал Чубов.

Прежние друзья смотрели друг на друга неприязненно, почти враждебно. И тут произошло чудо. Павел вдруг заговорил, как в бреду, не отдавая отчета своим словам.

– А я тебя поймал.

Произнес он эти слова таким ласковым и заговорщицким голосом, что в душу Чубова моментально змейкой вползла тревога.

– Ты меня поймал? На чем? Что за ерунду ты мелешь?

– А вот представь себе: поймал. Как, думаю, такие люди, как ты, приспособляются к жизни. Ну, и стал потихоньку за тобой шпионить.

– Ну и что? Хочешь взять на пушку?

– Вот и выследил тебя все-таки. По правде сказать, ушло у меня на это почти полгода.

Павел говорил то, что сам не ведал. Он даже не знал, зачем это говорит. Правда, последние полгода он задумывался над тем, как удастся жить таким, как Чубов, но никакой слежки он не вел. Так только, размышлял на досуге.

Внутри Чубова все похолодело.

– Попался все-таки, голубчик, – злорадно объявил Павел.

– Что ты мелешь? Где попался? Как попался?

Чубов произнес эти слова совсем негромко, вокруг было много прохожих.

Повалил густой снег. Он кружился и хлопьями ложился на дрянненькое пальто и затасканную шапку однокашника.

– Что? Неприятно стало? – скривился тот. – У кого со-

весть не чиста, тому всегда бывает неприятно. Когда ворует, то и душа себе места не находит. Вон как побледнел.

– Да я тебя сейчас сдам в милицию за поклеп на честного человека, – сквозь зубы процедил Чубов.

Все его нутро закипало от злобы.

– Сморчок ты поганый, что ты передо мной фиглярничаешь? Строишь Ваньку-дурака. Я тебе покажу "ворует", за оскорбление личности пойдешь под суд.

– Очень бы я хотел с тобой оказаться в милиции, – мечтательно произнес Павел и внутренне содрогнулся.

Он совсем не хотел этого говорить, но все получалось помимо его воли. Его даже бросило в пот.

– Порассказал бы я им о тебе очень многое. Думаю, что лет на пятнадцать потянули бы мои показания.

– Какие еще показания? Ты... – Чубов никак не мог подобрать слово, чтобы не очень оскорбить школьного товарища.

В душе он начинал уже побаиваться Павла.

– Ты лопух, – наконец, произнес он.

Почему он назвал Павла "лопухом", он и сам не мог объяснить. Чубов явно нервничал и терял присущее всегда ему хладнокровие.

"Нет, так не годится. Нужно взять себя в руки. Даже с этим лопухом нужно говорить осторожно, не показывать своих эмоций." – подумал он.

– Говори же! Что тянешь резину. Что выследил? Что узнал?

Школьный товарищ явно тянул время, то ли не знал, что сказать, то ли наслаждался испугом, который не мог скрыть его самодовольный друг, то ли его смущал сам факт, что он докатился до такой низости, что впервые в жизни шантажировал другого человека. Впрочем, он и сам этого не смог бы объяснить.

Бывшие друзья стояли друг против друга и выжидательно смотрели друг другу в глаза. И это противостояние и затягивающаяся пауза накапливали в каждом из них энергию, готовую вылиться в яркую вспышку молнии. И была такая секунда, когда они могли убить друг друга. Вся эта сцена представляла собой картину потрясающую и даже, в каком-то смысле, возвышенную.

"Наконец-то, уколол", – сверлила мысль в голове Павла.

"Берет на испуг. Знал бы, сказал", – судорожно думал Чубов.

– Я тебя застукал.

– Доказательства.

И тут началось невероятное. Павлу словно кто-то ломом разжал рот и схватил челюсти клещами. Его губы непроизвольно то разжимались, то сжимались, повинаясь какой-то неведомой силе, а с языка слетали трескучие фразы, изобличающие всю воровскую жизнь Чубова.

Сам Карл Маркс, написавший свой великий труд "Капитал", не смог бы с такой аналитической глубиной и предельной ясностью вскрыть причины накопления благосостояния

и основы процветания Чубова. Павел вещал обличительные доказательства: даты сделок, номера липовых накладных, суммы гонораров за махинации и мошенничество, получаемые от других подпольных акул, – одним словом, весь длинный перечень уголовных преступлений Чубова за последние полгода.

У бедного Чубова от страха онемел язык и все четыре конечности, он побледнел, став белым, как снег. Тому, кому доводилось слышать о соляном столбе, нужно было бы для наглядности хотя бы одним глазом увидеть в этот момент Чубова. Бывают минуты, когда страх полностью парализует даже самого отъявленного наглеца и конченого жулика. И он превращается в соляной столб. Тогда у него можно смело забирать все его состояние до последней нитки, он и пальцем не пошевелит.

Такое и произошло в данном случае, но Павел оказался очень неопытным человеком в подобных делах. Должно быть, правильно Чубов назвал его лопухом.

– Что ты собираешься со всем этим делать? – произнесли побледневшие губы подпольного магната.

– Пойти в милицию и рассказать.

– Но это же подло, Павлик, предавать друга. Разве нас с тобой не учили этому в школе? Ты не заложишь своего старого школьного товарища.

Чубов готов был задушить своего старого школьного товарища, но действовать нужно было осторожно и тонко.

– А наживать такие барыши на форменном грабеже государства и своих сограждан не подло?

– Павлик, брось эту демагогию, ты же хороший парень. Я любил всегда тебя в детстве. Помнишь, угощал ирисками, а один раз даже подарил щенка. Так неужели мы будем с тобой сводить какие-то счета, мы с тобой ни разу за всю жизнь не поссорились. Я прощаю тебе долги.

– Само собой...

– Надеюсь, ты не станешь меня шантажировать?

– Как сказать.

– Чего ты хочешь?

– Пять тысяч.

– Пять тысяч?! – Чубов произнес эту фразу с таким удивлением, что Пату показалось, что он попросил у того жизнь или последнюю рубашку.

Но Чубов удивил совсем иному. Запроси сейчас Павел у него пятьдесят тысяч, он выложил бы их, не задумываясь, лишь бы спасти свою шкуру.

Так в минуты опасности нечистая совесть от страха завышает цену своего искупления, но такое случается только в минуты отчаяния, а затем рассудок берет верх и понижает тариф до минимума. Так произошло и в данном случае.

– Три тысячи, – вдруг сбил цену Павел, видя неподдельное изумление а лице школьного товарища.

И в эту минуту Чубов опомнился и, как говорится, взял себя в руки.

– Ты сдурел, у меня таких денег нет.

Такие деньги были у Чубова, и не только такие. О-го-го!

Сколько он мог выложить тысяч, если бы это понадобилось для какого-нибудь серьезного предприятия. Впрочем, для лопуха и трёх тысяч было много. Дело принципа. А Чубов любил торговаться. В царское время он был бы выдающимся предпринимателем. Но, как говорится, бодучей корове Бог рога не дал.

Тысяча тоже оказалась слишком большой суммой.

– Пять сотен и все, больше не торгуюсь, – решительно заявил шантажист.

Чубов понял, что с этой мертвой точки противника сдвинуть будет невозможно, но сделал последнюю попытку. Он вытащил бумажник и вынул из него двести пятьдесят рублей, заработанные за одно утро.

– Вот отдаю тебе все. Видишь, бумажник пуст. Отрываю, можно сказать, от сердца последние.

Павел не знал цену деньгам, потому что в жизни вряд ли ему приходилось держать большую сумму, и поэтому тут же согласился взять эти мизерные крохи от огромного подпольного состояния своего школьного товарища.

Если бы ангел увидел эту сцену со своей небесной галерки, он, наверняка, покачал бы головой и с сожалением сказал Павлу: "Ну и дурак же ты, братец!"

Павел смял горсть бумажек и сунул в карман, еще не веря в свалившееся на него счастье. Он мотнул головой, как

бык, словно потерял дар речи от ужасного потрясения. Повернулся и пошел прочь, ничего не сказав своему бывшему школьному товарищу.

– Прощай, Паша. Будь счастлив, – крикнул ему вдогонку Чубов и процедил сквозь зубы: – Ну и гад! Скотина. Чтобы ты подавился этими деньгами. Чтоб ты сдох и мои глаза тебя никогда не видели.

Снег перестал падать, но небо оставалось по-прежнему пасмурным. На душе у Чубова было пасмурно и тревожно, он шагал в толпе прохожих и удивлялся, как просто отдал свои деньги и откуда этот лопух Паша мог узнать о его тайных махинациях. Об этом ему предстояло долго и мучительно думать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.